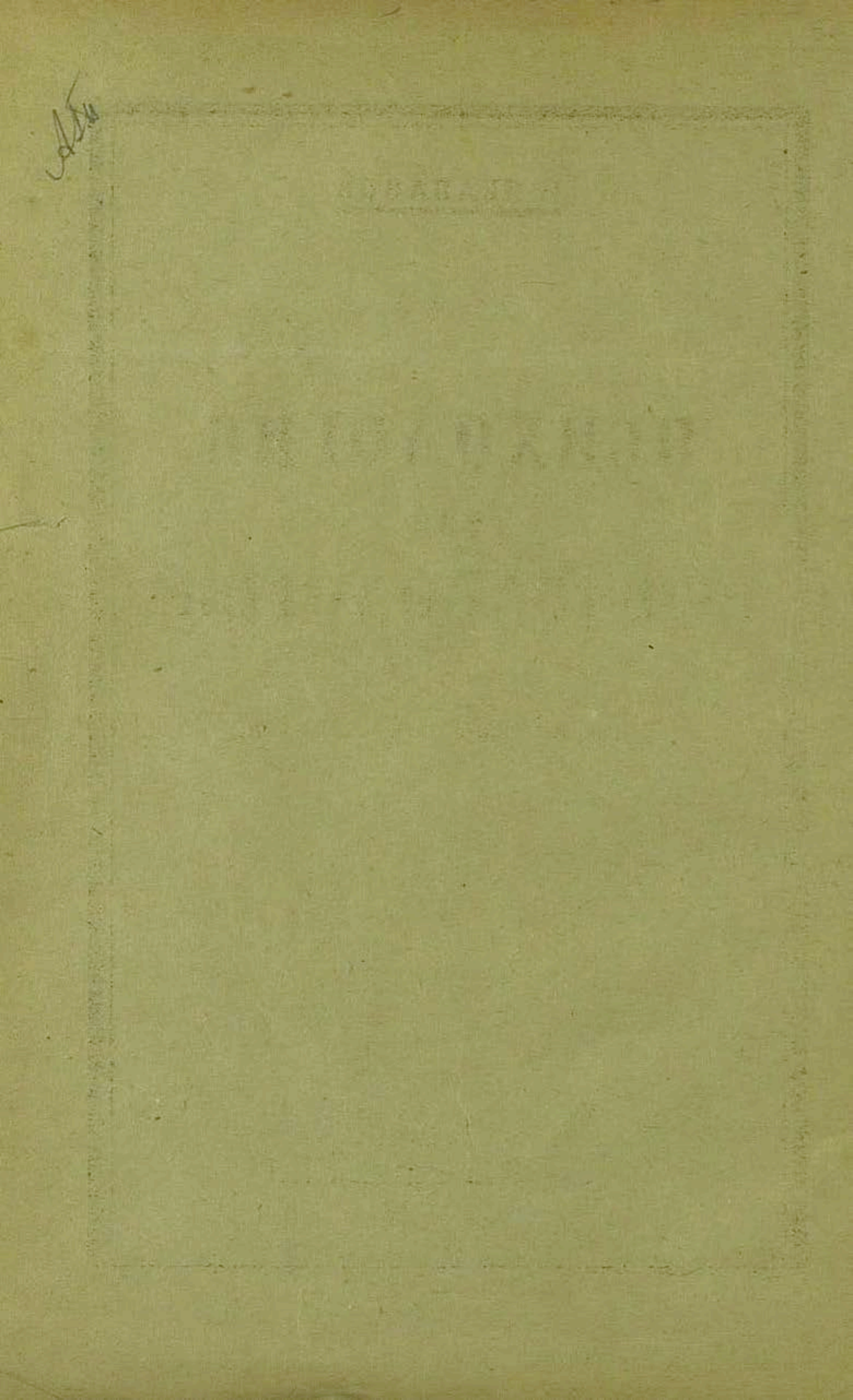
Г. ЧЕЛПАНОВ

ПСИХОЛОГИЯ
ИЛИ
РЕФЛЕКСОЛОГИЯ?

(СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКИЙ КНИЖНИК"
МОСКВА — 1926

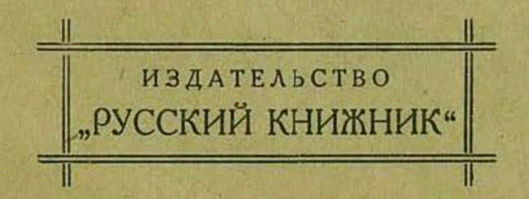
Г. ЧЕЛПАНОВ

ПСИХОЛОГИЯ

ИЛИ

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ?

(СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ)

МОСКВА — 1926

„МОСПОЛИГРАФ“.
Тип. школы ФЗУ им. Борщевского.
Москва, Б. Садовая, д. № 23.
Главлит № 31315
Тир. 3000 экз.

Предисловие.

„Спорные вопросы психологии“ закончены были изложением в той форме, в какой они напечатаны в настоящей книжке, к началу ноября 1924 г. 30-го ноября того же года К. Н. Корнилов в публичном заседании Психологического Института прочел доклад на тему: „О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии“. В этом докладе он заявил, что отказывается от точки зрения наивного материализма[1]), на которой он до сих пор стоял, и переходит к диалектическому материализму (этим термином он обозначает материализм Маркса)[2]).

После этого доклада психологические вопросы, которые в последние два года у нас в России были спорными, утратили свой спорный характер.

Казалось бы, что после этого у меня не было никаких оснований печатать книгу о спорных вопросах психологии, или, в лучшем случае, мне следовало бы изменить ее содержание сообразно изменившимся

---

[1]) Термин „наивный“ материализм принадлежит К. Н. Корнилову. Так он обозначает тот материализм, который обыкновенно называется „вульгарным“.

[2]) К. Н. Корнилов, начав с вульгарного материализма в первом издании „Учения о реакциях“, постепенно стал отходить от него и уже в книжке „Современная психология и марксизм“ (вышла в июне 1924 года) отвергал как наивный материализм, так и рефлексологию. Но в сентябре того же года вышла книга Ю. В. Франкфурта „Рефлексология и марксизм“, в которой защищается и наивный материализм и рефлексология, с рекомендующим предисловием К. Н. Корнилова.

условиям. Однако, я оставил все в том виде, как у меня было написано до доклада К. Н. Корнилова, по следующим соображениям.

К. Н. Корнилов в своем докладе формулировал спинозистический материализм в тех пунктах, в которых он имеет приложение к психологии, бесспорно правильно. Но одно дело формулировать принципы, и совсем иное дело сделать из них соответствующие выводы. Если читатель и усвоит принципы, то это не значит, что он тотчас же сделает из них правильные выводы.

Вот почему я счел нужным изложить весь спор, как он велся (с конца 1922 года до конца 1924 года), чтобы читатель ясно мог усмотреть, какие выводы вытекают из наивного материализма, и какие выводы применительно к психологии можно сделать из спинозистического материализма.

Если читатель пожелает проследить весь этот спор[1]), то для него сделается ясным, что, покидая почву вульгарного материализма, К. Н. Корнилов и психологи, к нему примыкающие, вместе с этим отказываются от „рефлексологии“ и от „реактологии“, этих эфемерных научных дисциплин, претендующих на то, чтобы заменить собою психологию.

Январь
1925 г.

---

[1]) Для этого ему нужно прочесть еще две моих книжки, именно: „Психология и марксизм “(М. 1924) и „Об'ективная психология в России и в Америке“ (М. 1925).

Предпосылки современной эмпирической психологии [1].

В последнее десятилетие раздавались упреки по адресу современной научной психологии, что она в своих исследованиях будто бы становилась на метафизико-спиритуалистическую точку зрения, занималась по преимуществу исследованием вопроса о субстанции духа, пользовалась недостоверным внутренним опытом и т. п. Оказывалось, таким образом, что нужно искать какие-то новые пути психологического исследования. Этим новым путем, по мнению очень многих, является так называемый об'ективный метод.

По моему мнению, главная ошибка тех, кто нападает на современную психологию, заключается в неправильном понимании термина „об'ективный" метод психологии. Этот метод, как метод, сам по себе должен быть признан безупречным и всегда применялся в психологии, но в последнее время ему стали придавать ложный философский характер.

Признавая исключительно об'ективный метод, в то же время пытались отрицать не только достоверность и законность внутреннего опыта, но даже реальность сознания. И мы, таким образом, очутились лицом к лицу перед так называемой психологией без сознания.

К чему это приводит, покажу на нескольких примерах.

В настоящее время мало-мальски начитанный студент, когда рассуждает о психологических вопросах, уже не говорит о глазе, как об органе зрения (психического акта), об ухе, как об ор-

---

[1]) Доклад, читанный на первом Психоневрологическом с'езде в Москве, в январе 1923 г.

гане слышания (тоже как психического акта), но вместо „глаз", „ухо" употребляет термин „зрительный" или „слуховой" анализатор, чтобы кто-нибудь не подумал, что он признает какое-нибудь сознание. Врач, который специально занимается психоаналитическими исследованиями, т. е. вращается в области чисто психических переживаний, другими словами, пользуется в своем исследовании исключительно внутренним опытом, на вопрос, что он думает о современной психологии, скажет: „Я последователь Бехтерева и никакого внутреннего опыта не признаю". В наши дни, когда психическим фактам в психогенных заболеваниях уделяется так много внимания, и когда самый анализ их ведется исключительно на почве внутреннего опыта, психиатры на вопрос, что они думают о психологии, считают своим профессиональным долгом сказать, что внутренний опыт они считают мало достоверным и не заслуживающим доверия.

Вот куда зашла современная психология. Очевидно, внутренний опыт почему-то так не нравится, что есть общая тенденция отделаться от него так или иначе, выбросить его совсем. К счастью, этого пока не произошло, да никогда и не произойдет, пока существует научная психология в собственном смысле слова.

Содержание настоящей статьи сводится к следующим тезисам:

ПЕРВЫЙ ТЕЗИС.

„Психология имеет то общее с естественными науками, что ее предмет—психические переживания—обладают такой же реальностью, как предметы и явления мира физического".

В последнее время принято утверждать, что, если бы психология была основана на естественно-научных данных, то это была бы действительно научная психология. В этом утверждении таится бесспорное недоразумение, потому что психология в вышеуказанном смысле сама есть наука естественная. Она имеет предметом такую же бесспорную реальность, как и естественные науки. Вы скажете: „физическая реальность" есть бес-

спорная реальность, потому что мы ее, например, видим, слышим, осязаем и т. п., чего никак нельзя сказать относительно психической реальности. Хотя это и так, но все же психическое есть реальность. Условимся называть реальностью все то, что оказывает воздействие на наше сознание. Это провизорное определение, которое может быть применено одинаково и к явлениям мира физического и душевного. В самом деле представим, что человек испытывает страдания и жалуется на них. Это переживание реально или нереально? Едва ли человек страдающий согласится признать, что его страдания не есть реальность.

Состояние радости есть что-либо реальное или нет? Радующийся человек скажет, что радость не иллюзия, а реальность Художник изображает страсти, чувства, идеалы, мечты. Все эти произведения искусства изображают реальность или нереальность? Конечно, реальность. Это — реальности, которые так же бесспорны, как и реальность вещей, находящихся перед нами.

Если вы согласитесь с этим, если не заподозрите никакой софистики и согласитесь с тем, что душевные переживания реальны, то тотчас сделается понятным, каким образом они могут быть предметом научного изучения. Мы можем поставить целью изучение этих реальностей, и именно таким образом, чтобы отыскать законы, которым подчиняется течение душевных переживаний. Можно ли найти эти законы, это другой вопрос. Пока речь идет о том, что мы ставим задачей изучение законов этих переживаний. Итак, предмет психологии—душевные переживания или явления сознания, и эти переживания реальность бесспорная и очевидная, такая же, как и реальность вещей внешнего мира.

Но откуда мы знаем о существовании душевных переживаний? Это известно нам из самонаблюдения, из внутреннего опыта, при чем достоверность показаний нашего самонаблюдения, по крайней мере, по отношению к наличности у нас тех или иных переживаний, не подлежит никакому сомнению. Таким образом можно сказать, что психология есть наука, которая изучает бесспорную реальность. В этом утверждении не содержится никакого идеализма, а есть настоящий реализм, основанный на том, что психология, как и естествознание, имеет своим предметом нечто реальное.

ВТОРОЙ ТЕЗИС.

„Психология есть наука эмпирическая, ее область нужно строго отграничивать от области философии. Признак философских построений—стремление свести одну непосредственно данную основную реальность к другой, а также стремление отыскать абсолютно данные реальности“.

Если психология есть наука о реальности, данной в непосредственном внутреннем опыте, то она в то же время есть наука опытная, т. е. оперирует только с тем, что дано нам в опыте. Все, что находится вне опыта, входит в область не психологии, а философии. Это различие между психологией и философией следует тщательно проводить. Именно, следует признать, что психология есть наука опытная, а философия — наука о неопытном. Но так как весьма часто две эти области смешиваются, то следует отыскать такие признаки, которые резко отличали бы их друг от друга. Такие признаки суть следующие. Если мы ищем абсолютно данную реальность, то это такая реальность, которая не дана непосредственно в чувственном опыте. Далее, если мы делаем попытку свести основную реальность, данную в непосредственном опыте, к какой-нибудь другой, тоже основной реальности, то это есть решение проблемы на почве философии.

О каких основных реальностях идет речь в этом случае? Это реальность материи и реальность сознания. Отношение между этими двумя основными, непосредственно данными реальностями можно изобразить следующим образом. Когда в мозгу имеется налицо какой-либо материальный процесс „А“, то в сознании есть какой-либо психический процесс „а“, и наоборот, когда в сознании есть какой-либо процесс „а“, то в мозгу должен быть процесс „А“. Между этими двумя рядами процессов имеется функциональное отношение. Если это признать, то применительно к явлениям сознания нужно будет сказать, что они суть не что иное, как функции мозга.

Эта точка зрения на отношение между телесными и душевными явлениями носит название эмпирического парал-

лелизма, потому что признает, что психические процессы протекают параллельно физическим. Напр., Гёфдинг говорит: „В материалистическом смысле можно с полным правом сказать, что сознание есть функция мозга, так как опыт показывает нам известную пропорциональность между степенями развития сознания и мозга. Эмпирический параллелизм не допускает возможности существования сознания независимо от деятельности мозга“.

Вот существенные черты этого учения.

Пока мы ограничиваемся утверждением, что два ряда процессов, психические и материальные, связаны друг с другом таким образом, что они протекают параллельно друг другу, мы остаемся на почве эмпирической науки. Но как только мы начинаем утверждать, что только психическое имеет истинную реальность, что только оно первоначально, что же касается физического, то оно имеет производную реальность, то это уже будет идеализм, и самая теория будет философская, а отнюдь не психологическая. Эта теория не есть психологическая, потому что она стремится основную реальность, именно материальную, которая есть непосредственно данное, свести к другой реальности.

По другой теории, эта первоначальная реальность может быть не духовная, а материальная. Тогда духовное делается производной реальностью, не имеет самостоятельного существования — это будет материалистическое учение. И это учение есть учение философское. Но при обсуждении взаимного отношения между процессами психическими и физическими мы можем принять и третью теорию, по которой подлинная реальность есть некоторая абсолютная субстанция, по отношению к которой психическое и физическое есть только проявление. Это учение равным образом есть учение философское; здесь допускается некая абсолютная трансцендентная реальность.

Таким образом, какую бы из этих точек зрения мы ни признали, мы пойдем по пути философскому, отнюдь не эмпирическому. В противоположность к этому эмпирический параллелизм есть не философская, а чисто научная гипотеза. Она признает только психическое и физическое, устанавливает между ними определенное отношение, не признает ничего трансцендентного. По эмпирическому параллелизму, если есть связь между явлениями физического мира, то есть и соответствующая

связь в сознании. Эмпирический параллелизм есть рабочая гипотеза, которая должна быть положена в основу эмпирической или научной психологии.

В последнее время, когда трактуют об основных вопросах психологии, то делают попытку один из членов этого ряда, именно психическое, отбросить; при этом утверждается, что только на этом положении можно основать научную психологию. Тот, кто это делает, т.-е. кто без всяких оснований начинает отрицать реальность психического или сознания, становится на точку зрения философии, или метафизики, а если это он делает, не сознавая, то о нем можно сказать словами Бине, что он является „скрытым метафизиком". Надо признать, что, действительно, весьма часто тот, кто считает себя эмпириком, является метафизиком, сам того не сознавая. Скрытую философию я усматриваю в так называемом „об'ективном" методе в том случае, когда сторонники об'ективного метода в его крайней форме начинают отрицать реальность сознания и даже вообще психического. В эмпирической науке должна быть признана и психическая и физическая действительность.

ТРЕТИЙ ТЕЗИС.

На вопрос, в каком отношении должна находиться психология к философии, отвечает третий тезис:

„Психология может, а по мнению некоторых должна иметь философскую надстройку, а также философскую, физиологическую, биологическую и т. п. подстройку, но сама по себе психология не есть ни философия, ни биология, а есть самостоятельная наука, подобная физике, химии и т. д."

В настоящее время в мировой науке, и в особенности в университетском преподавании, отношение между философией и психологией остается неясным. Перед войной в Германии произошел конфликт между экспериментальными психологами и философами. И те и другие требовали, чтобы психология, которая преподавалась при кафедре философии, отделилась от

философии и чтобы она имела свою особую кафедру. Этот спор, в котором принимали участие ученые Германии, Австрии и Швейцарии, был решен большинством голосов в том смысле, что психология не должна отделяться от философии, так как психология является наукой философской. Таково положение в Германии. В Америке в некоторых университетах психология примыкает к философии, составляет часть „философского отделения" и в очень немногих университетах примыкает к биологии.

Спрашивается, есть ли психология наука биологическая или философская? На этот вопрос нужно ответить следующим образом. С какой бы наукой совместно ни разрабатывалась психология, с физиологией или биологией, или философией, она должна сохранить свою полную самостоятельность. Но самым трудным является понимание связи между психологией и философией. В самых общих чертах можно сказать, что психология и философия должны находиться при разработке в тесной связи друг с другом, хотя бы для того, чтобы настолько понимать философию, чтобы отличать, где кончается философия и начинается психология. Так как две области часто приходят в соприкосновение, то психологу путем тщательного изучения философии нужно научиться отличать философские понятия от психологических.

Но значение философии для психологии значительно шире. Есть философские и гносеологические понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии. Таковы понятия „субстанции", „причинности" и т. п. Философское исследование этих понятий, предваряющее изучение психологии, я называю „подстройкой". Эта подстройка служит для того, чтобы построить эмпирическую психологию. Понятия „субстанции", „суб'екта", „я" можно сделать эмпирическими понятиями; тогда их можно перенести в психологию, но не иначе.

Эмпирическая психология дает материал для построения этики, эстетики и т. д. Обобщения эмпирической психологии могут служить для философских обобщений, для построения мировоззрения и т. п. Но это уже будет философской надстройкой над психологией и ни в коем случае не может входить в область эмпирической психологии. Она должна лежать вне ее области.

Эти признаки дают возможность отграничить область психологии от философии путем отстранения из психологии всего того, что имеет философский характер. Такие понятия, как душа, субстанция, суб'ект, могут быть трансцендентными понятиями; тогда они относятся в область философии; но могут быть эмпирическими, тогда они относятся в область психологии. Понятие „душа" может быть эмпирическим в том случае, если под нею разумеется только совокупность душевных явлений, связанных определенным образом в одно целое.

Вот отчего я настаиваю на том, чтобы психология была такой эмпирической наукой, как физика, минералогия и т. п. Отношение психологии и философии я мог бы так формулировать: психолог должен быть философски образованным, но вносить в эмпирическую психологию философские элементы не должен.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТЕЗИС.

„В современной мировой науке отмечается неуклонная тенденция сделать из психологии чисто эмпирическую науку, свободную от какой бы то ни было философии".

В последнее время стали раздаваться упреки по адресу современной психологии, что главное занятие ее заключается в том, чтобы отыскать такую субстанцию духа, которая нужна для доказательства бессмертия души. В этом утверждении таится бесспорное недоразумение. Понятие субстанции духа, как чего-то такого, что остается после смерти, очень устарелое. Признаваемая даже философами, в настоящее время субстанция духа такова, что, если тело распадается, то и она распадается. Кроме того, современные психологи проводят резкую грань между философскими и психологическими понятиями.

Всем известно, что Вундт, отец экспериментальной психологии, в философии является метафизиком, но в психологии он решительно отмежевывается от нее [1]).

[1]) В „Очерках психологии" Вундт говорит: „Метафизическая психология есть часть философской метафизики". Она исходит из каких-либо предположений относительно гипотетических процессов метафизического субстрата. Из борьбы с этим последним приемом возникла эмпирическая

В „Очерках психологии“ (М. 1912, стр. 8) он решительно заявляет, что метафизика в психологию ни под каким видом не допускается. Другой немецкий психолог, Кюльпе, в своем „Введении в философию“ доказывает существование духовной субстанции, но в своей „Психологии, изложенной на основании экспериментальных данных“ он говорит, что сознание, душа, дух представляют собой только сумму душевных переживаний, трансцендентальное же сознание, субстанциальная душа и т. д не должны играть никакой роли в научных об'яснениях. Ясно, что психолог Кюльпе находит, что никакая субстанция, нематериальная душа в научной психологии не должна иметь места (Külpe. Grundriss d. Psychologie 1893, стр. 3).

То же самое отношение к недопустимости философских понятий в психологии мы находим и в Англии. Стаут в своем университетском „Учебнике психологии“, 1904 г., говорит, что в этой книге он стоит на точке зрения психофизического параллелизма, который является очень удачной рабочей гипотезой. Но, по его мнению, если бы мы стали выходить за пределы эмпирической действительности, то психологию превратили бы в онтологию. В психологии он считает нужным оставаться на чисто эмпирической почве.

Из американских психологов упомяну только Джемса и Торндайка. Как известно, Джемс был метафизик. Однако, послушайте, что он говорит об употреблении понятия „души“ в психологии. Если он чувствует себя метафизиком, то он думает, что в мире есть мировая душа, т.-е. душа, в которой наши отдельные души сливаются, как капли воды в океане, потому что он не понимает, как они могли бы существовать каждая в отдельности. Но когда он начинает работать, как психолог, то никакая субстанция души ему не нужна... Душа, как она

психология. В статье „Эмпирическая и метафизическая психология“, защищаясь от упреков, что он вводит метафизику в психологию, он говорит: „При разработке теоретических основ заключительного отдела моей „Физиологической психологии“ у меня от начала до конца была одна цель. Она заключалась в том, чтобы чисто эмпирически, только на основании фактов опыта развить такие предположения, на которые опирается психологическое, как и всякое научное исследование, и формулировать принципы, которые получаются из связи исследуемых фактов, но и в том и другом случае строжайшим образом избегать всякого позаимствования из какой бы то ни было метафизики и избегать всякого перехода в таковую“ *(Kleine Schriften. Zweiter B. 19'1, стр. 338).*

понимается в психологии, есть функция мозга. Психолог изучает душевные состояния. Метафизика или теология могут доказывать существование души, но для психологии, как науки, существование души совершенно излишне. Даже больше, в настоящее время психология находится на материалистическом пути. Душевная жизнь изучается в связи с теми изменениями, которые совершаются в нашей телесной жизни. Как же это можно понять? С одной стороны, допускается метафизическое понятие души, с другой стороны — это понятие отвергается. Очевидно, об'яснение этого факта заключается в признании необходимости отделить философию от эмпирической психологии. (См. его Principles of Psychology. 1890. Vol. I., стр. 342 и след. Его же: Психология. Гл. 1-я)

Торндайк в своей книге „Очерки психологии" (1907 г.) излагает только эмпирическую психологию, но допускает еще возможность существования и философской психологии. Задача этой последней заключается в нахождении основной реальности, лежащей позади фактов душевной жизни, и указании ее места в мировой жизни (ук. соч. 321).

Во Франции Бинэ об отношении философии к психологии говорит: „Психология, как наука о фактах, не подчиняется никакой метафизической доктрине. Она ни спиритуалистична, ни материалистична, ни мистична, но она есть наука о фактах". („L'âme et le corps", стр. 142).

Из датских психологов, пользующихся всемирной известностью, упомяну Гефдинга, Лемана. По мнению Гефдинга, человек будет всегда стремиться к метафизическим построениям, но психология, как мы ее понимаем, есть психология без души; она ничего не высказывает о субстанции души. И только постольку она есть психология без души. Психология в этом отношении уподобляется физике, которая ничего не высказывает о сущности материи. (Очерк психологии на основе опыта, нем. пер., стр. 19).

Леман в „Основаниях физиологической психологии" отмежевывается от всякой метафизики. Если понятие души употребляется в смысле „я", то Леман согласен допустить душу в этом смысле, но если под душой понимать то, что под ней разумеет вульгарное понимание, бессмертную душу и т. п., то

он этого не признает, ибо она для (психологического исследования не имеет никакой цены, ук. соч., стр. 15).

У нас в России А. И. Введенский является автором „Психологии без всякой метафизики“.

О себе скажу следующее.

В 1898 году я имел случай высказаться, что, кто не желает заниматься философией, а хочет заниматься научной психологией, тот должен стать на точку зрения эмпирического параллелизма. Мой „Учебник психологии“ есть учебник эмпирической психологии. В нем нет ни идеализма, ни спиритуализма и т. п., потому что все это было устранено, как философские понятия.

Необходимость связи между психологией и философией я всегда понимал таким образом, что философия служит источником предпосылок для психологии или служит надстройкой над психологией, сама же психология остается чисто эмпирической наукой. Если я употреблял в психологии термин „душа“, то всегда в смысле эмпирического суб'екта, а не трансцендентного.

Итак, современная психология обнаруживает самую явственную тенденцию отмежеваться от философских теорий и сделаться чисто эмпирической наукой.

ПЯТЫЙ ТЕЗИС.

„Стремление ввести в психологию философские элементы, как это делают некоторые новейшие психологи, противоречит понятию научной психологии“.

Кроме того, трактование философских проблем в обстановке эмпирических понятий ведет к крайней поверхностности, что в свою очередь может привести эмпирическую психологию к совершенному упадку. Необходимо философские проблемы, соприкасающиеся с психологическими, рассматривать в кругу философских же понятий, потому что в таком случае может выясниться их истинная природа, и исследование их может принять более серьезный характер. Рассматривание же философских проблем в кругу психологических понятий приводит к поверхностному толкованию их, так как философские понятия рассматриваются мимоходом, случайно, не подвергаясь тщательному анализу.

В этом смысле решительно необходимо пересмотреть понятия об'ективного метода, рефлексологии при свете именно философских понятий. В самом деле, понятие рефлексологии предполагает, что, вместо психологических процессов, изучаемых при помощи внутреннего опыта, нужно изучать только об'ективные явления, имеющие место при тех или иных душевных переживаниях. Это можно утверждать только в том случае, если исходить из предположения, что душевные явления сводимы к физиологическим явлениям. Но вопрос о сводимости душевных явлений к материальным есть вопрос философский, и при тщательном его рассмотрении он должен быть решен отрицательно. Мне кажется, что совершенно был прав Плеханов, когда говорил: „Никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознание к движению и не об'яснял одно другим". (Энгельс. Людвиг Фейербах. 1922 г. Предисловие Плеханова, стр. 9—10).

Я не сомневаюсь в том, что философское рассмотрение понятия рефлексологии приведет к замене этого понятия термином психорефлексология. Прямым последствием этого было бы точное отграничение пределов приложимости об'ективного метода, а это в свою очередь привело бы к ясному сознанию, что в методологическом отношении внутренний опыт должен быть признан источником научного познания, равноправным внешнему опыту, а такое положение есть необходимая предпосылка научно-эмпирической психологии.

В России широко распространено убеждение, что психология, сделавшись на Западе „наукой о поведении", вместе с тем сделалась совершенно об'ективной наукой и отказалась от изучения сознания. На самом деле это неверно. Некоторые психологи, придерживающиеся того мнения, что психология есть наука о поведении, все же считают, что изучение сознания остается основным для психологии. Возьмем пример американского психолога Пильсбери. В своей книге „Очерк психологии" (Essentials of Psychology. 1911) он отвергает определение психологии, как науки о душе или сознании, так как первое понятие сделалось с течением времени многозначным, не имеющим отношения к науке, а второе также не является безупречным. По его мнению, психологию лучше всего можно определить, как науку о человеческом поведении. Однако, „со-

знание должно играть очень существенную роль в нашей науке", говорит он,—„поведение должно быть изучаемо через посредство сознания индивидуума и посредством внешнего наблюдения. Сознание и поведение тесно связаны друг с другом. Сознание в других познается только через посредство поведения, поведение в нас самих и в конечном счете в других познается только через посредство сознания" (стр. 4—5).

Такой же взгляд на роль сознания в психологии высказывает Даугол в книге „Психология, как изучение поведения".

Для нас это течение представляет огромный интерес, так как, отвергая определения психологии, которые могут иметь спекулятивный характер, и стараясь стать на чисто эмпирическую точку зрения, оно совершенно правильно оценивает как роль суб'ективного, так и роль об'ективного метода в психологии, признавая одинаковое значение за тем и за другим.

Кстати замечу, что русский читатель склонен думать, что об'ективный метод изучения душевных явлений, об'ективная психология суть понятия недавнего происхождения и притом выросли на русской почве. Это совсем не верно. Понятие об'ективной психологии существует с очень давних времен. Оно отчетливо проводится в „Психологии" Герберта Спенсера, вышедшей в 1855 г. В книге Bastian'a „The brain as organ of mind , вышедшей 1883 году, психология считается состоящей из суб'ективной психологии, неврологии и об'ективной психологии (стр. 155).

ШЕСТОЙ ТЕЗИС.

„Научная разработка эмпирической психологии имеет огромное культурное значение, потому что именно на ней базируются все виды прикладной психологии и все новые отрасли психотехники".

Эмпирическая общая психология служит основой для построения социальной психологии, психологии хозяйства, педагогической психологии и т. п. Насколько важны все эти отрасли прикладной психологии, я не стану рассматривать, потому что это для всех очевидно, но особенно значительна роль педагогической психологии. Можно прямо сказать, что никогда у нас в России

школа не поднимется на должную высоту, пока у нас не будет построена педагогика на основах научной психологии.

Из этого ясно, что успехи культуры находятся в зависимости от успехов эмпирической психологии, а это находится в прямой зависимости от того, какими методами исследования она будет пользоваться.

Мне хотелось показать в настоящей статье, что в современной русской психологии не все обстоит благополучно. Основные понятия ее нуждаются в тщательном пересмотре. Если это не будет сделано своевременно, то научная психология может легко зайти в тупик. Отсюда ясно, что именно методологические проблемы суть очередные проблемы современной психологии.

Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма.

В 1922 году в России психология должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма. Но как должна была осуществиться эта реформа, для многих было неясно с самого начала, остается неясным и до настоящего времени. Руководители марксистского направления в психологии или, как они сами себя называли, „представители левого фронта в психологии“, профессора: Корнилов, Залкинд, Тутышкин и др., неправильным решением вопроса создали такой хаос в понимании методов психологического изучения, что можно прямо сказать, что развитие научной психологии в России остановилось. Интроспективную психологию предположено совсем упразднить. Ее место должна была заступить какая-то рефлексология, которая никогда не существовала и существовать не может.

Основная ошибка всех их попыток решения интересующей нас проблемы заключалась в том, что они становились на точку „марксизма без Маркса“.

Бесспорным пионером в создании „марксизма без Маркса“ является П. П. Блонский[1]). При построении психологической системы, соответствующей марксистской идеологии, он воспользовался необыкновенно странным методом. Вместо того, чтобы справиться с сочинениями Маркса и узнать, какой именно материализм требуется марксовской идеологией, он обратился к сочинениям Бехтерева. Очевидно, ему казалось, что Бехтерев очень подходящий для данного момента материалист. Кстати, Бехтерев в 1917 году произвел в своей терминологии изменение, которое, повидимому, делало его несомненным материалистом искомого типа. До 1917 года Бехтерев, как известно, употреблял термин „психорефлексология“. В 1917 году он „психо“ выбросил, и получилась просто рефлексология, материалистический характер которой после этого уже ни с чьей

[1]) См. его „Очерк научной психологии“. 1921.

стороны не мог подвергаться сомнению. Блонский и позаимствовал свой материализм у Бехтерева, но, чтоб не отставать от успехов новейшей науки и окончательно отделаться от „традиционной психологии“, он присоединился к об‘ективному методу американского „бихэвиоризма“ или „психологии поведения“, считая это последним словом новейшей науки. Таким образом суб‘ективный метод психологии был об‘явлен „религиозным предрассудком“ [1]), а вместо него выдвигалась рефлексология или психология поведения, пользующаяся исключительно об‘ективным методом изучения действий или движений. Получилась „психология без сознания“, признание „протяженности“ психических явлений, отрицание внутреннего опыта, допущение, что сознание есть не что иное, как совокупность условных рефлексов [2]). Словом были сделаны все выводы из механического материализма, который Блонский считал марксовским материализмом, не потрудившись навести справки у самого Маркса.

Но П. П. Блонский слишком поторопился с приспособлением „психологии поведения“ к идеологии марксизма. Не говоря уже о том, что механический материализм совсем не есть марксистский материализм, как это мы увидим ниже, за бихэвиоризмом, в его обычном понимании, никак нельзя признать серьезного научного значения. Если П. П. Блонский захочет прислушаться к оценке американскаго бихэвиоризма последнего десятилетия, даваемой М. Дауголом, то он согласится со мною. Оценка М. Даугола для Блонского может иметь авторитетное значение по двум причинам: во-первых, М. Даугол именно

---

[1]) Очерк научной психологии, стр. 13. Признание „суб‘ективного“ метода религиозным предрассудком Блонский, очевидно, позаимствовал у американского бихэвиориста Уотсона, у которого он позаимствовал и основные черты своей психологии поведения. В подтверждение правильности своей точки зрения Блонский ссылается на сочинения Августина, который, именно, и ввел в новой философии понятие самосознания, как основы познания душевной жизни. Допустим, что блаженный Августин мог быть под влиянием религиозного предрассудка; допустим, что под влиянием религиозного предрассудка был и Декарт, который свое Cogito ergo sum целиком позаимствовал у Августина; но не допускаю мысли, чтобы Фейербах был под влиянием религиозного предрассудка, когда внутренний опыт считал непосредственным источником познания душевных явлений, и при этом заявлял, что это утверждение не имеет ничего общего с религиозным предрассудком. См. мою „Психология и марксизм“ № 19.

[2]) Ук. соч. 10, 21, 43, 83.

и ввел понятие „психологии поведения". Во-вторых, П. П. Блонский находился под бесспорным влиянием психологических воззрений М. Даугола, суб'ективиста, прежде чем подпасть под влияние бихэвиориста Уотсона (крайнего об'ективиста). Вот отзыв Мак Даугола об американском бихэвиоризме последнего времени: „От физиологии", говорит он, „недавно родился несчастный и убогий уродец, именно—бихэвиоризм, который еще и теперь влачит жалкое существование в нашей стране. Но, к счастью, уже имеются признаки лучшего будущего"[1]).

Примеру Блонского последовал К. Н. Корнилов[2]), который в установлении понятия марксистской психологии придерживался метода Блонского: отнюдь не справляться с тем, что имеется в сочинениях Маркса о психологии, а измышлять собственный материализм. Для творчества их обоих в этой области характерно то, что в их сочинениях нет ни одной ссылки на Маркса или Энгельса. Очевидно, Корнилов никогда не имел случая ознакомиться с сочинениями Маркса. Это видно не только из того, что он нигде не цитирует Маркса, но и из того, что он под видом материализма Маркса предлагает материализм Бюхнера. Для Корнилова сознание не реально, явления психические суть только явления, „именуемые психическими". Сознание есть только вид физической энергии. Явления сознания протяженны[3]). Словом, все, как у Бюхнера. Отсюда следует, что психология есть часть физики. Корнилов является решительным противником суб'ективного метода в психологии. Он примыкает к рефлексологии и бихэвиоризму[4]). Чтобы избегать употребления понятия „интроспекции", он употребляет выражение „метод словесного отчета". Очевидно, ему неизвестна последняя новинка в этой области, именно, выраже-

---

[1]) См. его „Outlines of Psychology". 1923. Стр. 3.

[2]) Учение о реакциях человека с психологической точки зрения. Госуд. изд. 1921.

[3]) „То, что мы называем психикой и психическими явлениями, по своему существу есть не что иное, как процессы чисто энергетического порядка" (стр. 8). „Психика и психические процессы суть несомненно явления пространственного порядка". „Психология есть не больше, как часть физики, ибо то, что мы именуем психическими процессами, есть не больше, как особый вид физической энергии" (142). „По об'екту изучения психология относится к естественно-научным дисциплинам". (стр. 8). (Курсив мой. *Г.Ч.*)

[4]) Ук. соч. (10).

ние „речевое поведение“ (language behavior). „Речевое поведение“ много эффектнее „словесного отчета“. Такова программа марксистской психологии по Корнилову.

Как легко видеть, эта программа в основных чертах совпадает с программой Блонского. Об'ективный метод в психологии вместо суб'ективного; рефлексология и психология поведения, физиология условных рефлексов вместо психологии. Но для Корнилова это—„программа только для других“. Для него же самого она служит только для манифестирования материализма. В своей научной работе Корнилов нигде этой программой не пользуется. „Учение о реакциях“ написано по интроспективному методу, принятому в Психологическом Институте Московского Университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы.

Но вообще напрасно читатель станет искать последовательности во взглядах Корнилова, которые у него меняются с каждой новой статьей. В его взглядах царит невообразимый хаос. На той же самой странице, на которой он формулирует свои взгляды в духе Бюхнера, встречается формула в духе Спинозы [1]). Читатель может подумать, что Корнилов ей сочувствует, но десятью страницами раньше Корнилов высказывался резко отрицательно по поводу спинозистической формулы Лемана, которого он считает своим учителем. Но особенно недоумение вызывает термин „реактология“, не только тем, что этимологическое образование его совершенно неверно (нужно было бы сказать, „реакциология“), но совершенная его неуместность в системе психологических воззрений Корнилова. Очевидно, выковывая это новое слово, Корнилов хотел не отстать от Бехтерева, который выдумал новую научную дисциплину—рефлексологию.

Но разница между ними вот в чем. Бехтерев думал, что вся душевная жизнь сводится к рефлексам (при чем под рефлексами следует понимать механически совершающиеся физиологические процессы). При таком понимании рефлексология, вместо психологии, имеет raison d'être. Но как следует пони-

---

[1]) Стр. 141.

мать Корниловскую „реактологию"? Если, по Корнилову, реакция то же самое, что рефлекс, т. е. чисто механический акт, то в реактологии не имеется никакой надобности. Если же реакция есть процесс психофизический, т. е. акт сознательный (а Корнилов исследовал только такие реакции), то совершенно непонятно, почему Корнилов остается в группе об'ективистов-рефлексологов. Тут очевидное недоразумение. Когда я в своем курсе „Психологии" (литографированном в 1909 году) подчеркивал, что исходным пунктом психологического изучения считаю „реакцию", то делал это для того, чтобы доказать спонтанность психофизического организма, активность сознания. То же самое делают в настоящее время психобиологи, которые под реакцией понимают психофизическую реакцию. Едва ли это имел в виду Корнилов, когда понятие реакции он употреблял в качестве основного понятия психологии. Ясно, что Корнилов в поисках какого-либо мундира надел первый попавшийся, не сознавая, что он принадлежит солдату враждебного лагеря. В самом деле, Корнилов не может признать активности сознания, потому что для него такое понятие, как понятие апперцепции, есть понятие метафизическое [1]), несмотря на то, что Вундт для апперцепции отыскал даже физиологический коррелат в виде центра апперцепции.

Вот до чего может доводить психолога игнорирование философии, которое Корнилов в предисловии к своей книге „Учение о реакциях" так настойчиво провозглашает, как руководящий принцип для психологов. Правда, через несколько месяцев после выхода книги, в которой содержится запрет психологу заниматься философией, он на 1-м Психоневрологическом с'езде в январе 1923 года заявил, что занятие философией для психолога является обязательным. Но это требование он пред'являет только к другим, и именно, к психологам немарксистам; для себя же это требование он считает совершенно необязательным, ибо за 2 года он не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист.

В лагере психологов левого фронта мы находим А. Б. Залкинда, представляющего неестественное соединение „психоаналитика" с „рефлексологом". Такое соединение решительно

---

[1]) См. его статью в журнале „Под знаменем марксизма".

неестественно потому, что психоанализ базируется на суб'ективном методе, в то время как рефлексология требует применения исключительно об'ективного метода. Защита рефлексологии Залкиндом, очевидно, имеет исключительно „словесный“ характер, потому что такое соединение можно допускать только в том случае, если совершенно не понимать смысла слов „суб'ективный“ и „об'ективный“ метод в психологии.

По словам А. Б. Залкинда: „Учение о рефлексах отвергает в основе самонаблюдение и настаивает на об'ективном подходе к психическому процессу. Учение о рефлексах само по себе глубоко материалистично“ [1]). Что учение о рефлексах в понимании А. Б. Залкинда материалистично, это несомненно, но для точности нужно было бы сказать вульгарно-материалистично.

Когда на 2-й психоневрологический с'езд поехали от Москвы два союзника-марксиста, Корнилов и Залкинд, чтобы установить на с'езде правильное понимание марксистской психологии, то совместное выступление этих полярных противоположностей, психоаналитика и рефлексолога (или „реактолога“, стоящего на точке зрения вульгарного материализма—это все равно), могло бы производить впечатление взаимодействия двух химически нейтрализующих веществ, если бы их понимание терминов „суб'ективный и об'ективный метод в психологии“ имело больше, чем просто словесный характер.

К энергичным деятелям группы левого фронта относится И. Н. Шпильрейн, который об'явил на первом психоневрологическом с'езде, что он марксист и является сторонником философии Уильяма Штерна. По его собственным словам, „телеологическое понимание психофизических явлений, переносящее биологические методы в психологию, сближает Штерна с Бергсоном и неовиталистами“ [2]). Указание на принадлежность его, марксиста, к штерновскому направлению в философии окончательно сбивает относительно истинных признаков марксистской психологии. Корнилов даже аналитический метод в психологии, бесспорно эмпирический, не разрешает, как умозрительный, не разрешает даже психологии мышления, как

---

[1]) „Вестник Социалистической Академии“. 1923 г. № 3 стр. 248.

[2]) См. ст. „Персонализм Уильяма Штерна и его отношение к психотехнике“. „Вестник Социалистической Академии“. 1923, стр. 209.

умозрения [1]), а Шпильрейну дозволяется и „неовитализм“ и „бергсонианство“. Эти понятия я ни за что не признал бы эмпирическими!

Ярким представителем этого же направления, об'ективно-рефлексологического, является Э. Енчмен [2]). По моему мнению его бесспорная заслуга заключается в том, что он в очень отчетливой форме выразил сущность об'ективно-рефлексологического направления. Он решительно отверг реальность сознания и психического. „Для нас“, говорит он, „слова „знание“, „познание“ обозначают собой только физиологические реакции без всякого участия психики, т. е. без всякого участия непространственных явлений“ (Т. Н. Б. стр 24). Обсуждая формулу „сначала материальное, а потом духовное“, он говорит: „нашей собственной формулой может быть только: „сначала материальное и никогда духовное“. (Там же, стр. 56).

Такое доведение до абсурда является очень полезным, потому что дает возможность легче вскрыть ошибку. Во всяком случае за ним та большая заслуга, что он осуществил мечту психологов, стоящих на точке зрения вульгарного материализма.

Следует упомянуть еще о типе психологов, которые все оставляют в прежнем виде и всю реформу психологии в духе марксизма видят только в том, чтобы вместо слова „психология“ употреблять слово „рефлексология“. К числу таких психологов относится Ал. Луриа [3]). Будучи ассистентом Института экспериментальной психологии, он признает недостаточность „старой экспериментальной мозаичной психологии“, думает ее заменить психоанализом, дополненным рефлексологией и реактологией. Цельную человеческую личность он надеется изучить при помощи слюнных рефлексов у собак, по методу Павлова. Что старую мозаическую психологию следует отвергать, это несомненно, но только не рефлексологу, ибо он по самому существу своего метода должен стоять на механической, т.-е. мозаической точке зрения.

---

[1]) „Вестник Социалистической Академии“, 1923. № 3.

[2]) См. его „Восемнадцать тезисов о теории новой биологии и марксизм“. 1923.

[3]) Ал. Луриа. „Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии“. Каз. 1923.

Ал. Луриа написал „психологию внушения“ со всеми показаниями самонаблюдения, но чтобы не потерять как-нибудь облика марксиста, вместо „психология“ внушения, написал „рефлексология“ внушения. По Луриа, очевидно, для того, чтобы сделаться марксистом, нужно только назваться „рефлексологом“, а затем все оставить в прежнем виде.

Наиболее добросовестную попытку решения интересующего нас вопроса дали не столичные университеты, а отдаленная провинция. Я имею в виду книгу Струминского „Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма“. Киргизское Госуд. Изд. Оренбург. 1923. Вып. 1. Но и эта книга решает вопрос совсем неудовлетворительно. Автор совершенно правильно выдвигает социальный момент, как характерную особенность марксистской психологии, но для читателя остается неясным, чем отличается марксистская социальная психология от прежней социальной психологии. Недостаточная осведомленннсть автора в современной научной психологии мешает ему указать ей должное место при новой идеологии. Автор указывает, как недостаток современной научной психологии, то, что она изучает по преимуществу статические моменты и игнорирует динамическую сторону. Это неверно. С 90-х годов необходимость изучения этой стороны настолько подчеркивается, что возникла новая отрасль психологии, которая у американских психологов носит название функциональной. Автор недостаточно осведомлен относительно того, в каком смысле в современной психологии употребляют понятие суб‘ективного метода. Этот метод в психологии столько же суб‘ективен, сколько и об‘ективен. Психология спокон века в такой мере пользовалась об‘ективным материалом для об‘яснения душевных явлений, что когда возникло физиологическое изучение условных рефлексов, то для нее не оставалось ничего больше, как только приобщить этот материал к изобильному материалу, существовавшему у нее раньше, и не усматривать в физиологии условных рефлексов что-нибудь настолько принципиально новое, чтобы считать необходимым еще и об‘ективную психологию.

Нужно считать особенно неудовлетворительным решение психофизической проблемы. Что марксизм должен стремиться решить ее в монистическом духе, это бесспорно. Но, именно

в марксизме нужно исходить из эмпирического дуализма, т. е. различия между физическим и психическим, и только после этого искать пути для монистического решения. Тождество при различии, бесспорно, очень трудная задача. Автор, после различных колебаний, признал просто тождество психического и физического. Это—упрощенное решение механического материализма, которое никого удовлетворить не может и бесспорно противоречит марксизму.

Обзор взглядов психологов левого фронта показывает, что при крайней сумбурности и несогласованности их взглядов пробивается ясно одна основная тенденция. Это именно отрицание реальности сознания и психического и вытекающее отсюда отрицание суб'ективного метода в психологии и требование об'ективного метода. Отрицание реальности сознания или вообще психического произошло оттого, что психологи левого фронта, по философскому неведению, вместо марксистского материализма, стали на точку зрения так называемого механического, атомистического, или вульгарного материализма.

Что мы в данном случае имеем дело с вопросом не обсужденным, показывает то обстоятельство, что руководители марксистской идеологии, как мне кажется, стоят на совершенно правильной точке зрения.

Ленин признает реальность сознания[1]). Горев Б. И. отрицает вульгарный материализм[2]). Н. И. Бухарин в согласии с психологией Маркса излагает основные предпосылки психологии в своей книге об „Историческом материализме" и совершенно правильно характеризует марксовский материализм, как вид спинозизма, в статье «Енчмениада»[3]). Правильно описывает и М. А. Рейснер[4]) марксистскую психологию, когда центр тяжести в реформе психологии переносит на социальную психологию и совершенно правильно оценивает значение рефлексологии для психологии. Одно можно поставить ему в упрек, что, отвлекшись надолго вопросами прикладной психологии, что не является

---

[1]) Ленин. Материализм и эмпириомонизм, стр. 246.

[2]) Горев. Материализм — философия пролетариата. 1923, стр. 33—4.

[3]) Бухарин. „Красная новь". 1923, кн. 6-я, стр. 152.

[4]) Рейснер. „Проблема психологии в теории исторического материализма", — доклад, читанный в Социалистической Академии в феврале 1923 года. См. „Вестник Социалистической Академии" 1923 г., кн. 3-я, стр. 210. Возражение Романенко там же, стр. 240.

характерным для марксизма, он очень вскользь остановился на психофизической проблеме, чем подал повод одному из оппонентов (Романенко) упрекнуть докладчика в том, что он даже не умел подойти к правильной постановке вопроса. „Вопрос сводится в основных чертах, по мнению оппонента, к возможности существования психологии, как науки. Этот вопрос, как известно, находится о связи с другой проблемой — „реальности психического". Романенко относится, очевидно, к числу тех марксистов, которые не признают реальности психического.

Таким образом, ни большая публика, ни психологи не знают, в чем заключается существенная особенность марксистской психологии, и вместо того, чтобы идеализм видеть в признании трансцендентного, сверхчувственного, они видят идеализм в простом признании реальности сознания. Вследствие этого они становятся на точку зрения вульгарного материализма, который и считают марксистским материализмом.

В истории марксистской философии были неоднократно случаи, когда так называемый вульгарный материализм принимали за материализм, лежащий в основе марксистской философии. На это указывают полемические замечания Энгельса, Дицгена и др. Такая же подмена одного материализма другим производится в настоящее время в России. С точки зрения вульгарного материализма в настоящее время оцениваются методы современной научной психологии. На основе этого материализма проектируются новые методы психологического исследования.

Об'яснению этой фатальной для научной психологии ошибки и посвящена настоящая статья.

Различие между тем материализмом, который лежит в основе философии марксизма, и тем материализмом, который носит название вульгарного материализма, в кратких чертах сводится к следующему.

По материализму Маркса, поскольку речь идет об отношении между духовными и телесными явлениями, нельзя допустить существования души отдельно от материи, нельзя допустить явлений сознания, совершающихся без материальных явлений. Душевные явления находятся в функциональной зависимости от телесных явлений.

По вульгарному материализму, существуют только материальные явления; явления сознания имеют исключительно материальный характер. Психическое вполне тождественно с физическим. Внутреннего опыта или самосознания не существует вовсе.

Как легко видеть, между двумя этими видами материализма есть огромное различие. Если устранить эту ошибку смешения двух видов материализма и точно понять, в чем заключается тот материализм, который лежит в основе философии марксизма, то сделается очевидным, что предпосылки современной научной психологии находятся в полном согласии с основными положениями философии марксизма.

Отчего происходит такое согласие? Всякий, знакомый с генезисом философии марксизма и с генезисом основной предпосылки современной психологии (эмпирического или психофизического параллелизма), может очень легко ответить на этот вопрос.

Материализм марксизма получил свое обоснование в философии Фейербаха, а психофизический параллелизм, принятый современной психологией, ведет начало, главным образом, от Фехнера. Фехнер же и Фейербах ведут свое происхождение от философии Спинозы. Современная научная психология приобрела более или менее законченную форму в начале второй половины XIX века. Недаром родоначальники современной научной психологии: Фехнер, Вундт, Г. Спенсер, Тэн, являются современниками Маркса и Энгельса. Очевидно, и те и другие черпали свои знания из одного и того же источника.

Единство происхождения является причиной того, что основная предпосылка современной научной психологии находится в согласии с основными положениями философии марксизма.

Для построения психологии нужны следующие предпосылки:

1) Сознание реально.

2) Психические процессы не протяженны, в то время как все материальное протяженно.

3) Психические процессы непосредственно познаются только из внутреннего опыта.

4) Психические процессы не сводятся к процессам материальным.

Эти четыре предпосылки, как мы увидим ниже, находятся в полном согласии с философией марксизма.

Если признание обусловленности сознания материальными явлениями обозначать термином „материализм“, как это всегда делали Маркс и марксисты, то и эмпирический параллелизм есть учение материалистическое, и современная эмпирическая психология материалистична, а отнюдь не идеалистична, ибо современная эмпирическая психология не имеет дела с душой, существующей отдельно от тела, и с сознанием, независимым от телесных процессов.

Настоящая книга составилась частью из докладов, прочитанных и обсужденных в Психологическом Институте. По поводу этих докладов среди множества возражений приводились такие, которые имеют персональный характер и на которые я хочу ответить здесь же, в начале книги.

Основные возражения марксистов могут быть выражены следующим образом.

„Зная Вас, как идеалиста-философа, мы не понимаем, как Вы можете солидаризоваться с материалистом Марксом. Очевидно, Вы хотите сдать все ваши прежние позиции и приобрести видимость, что Вы марксист. Вы рядитесь в костюм марксиста, не будучи таковым. Зная ваше философское прошлое, мы не допускаем, чтоб Вы были искренни. Ведь нельзя же допустить, чтобы идеалист превратился в материалиста без отказа от своих прежних воззрений“.

На это я могу ответить следующим образом: „Я не сдавал никаких позиций. Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в настоящее время. Но своего философского идеализма я в настоящее время не выявляю. Не выявляю его и в психологии. Психология есть наука эмпирическая, и если бы я даже захотел быть идеалистом в психологии, то не мог бы быть им потому, что идеализм имеет дело с трансцендентным, со сверхчувственным, а эмпирическая психология по самому существу своему не допускает ничего сверхчувственного, а следовательно, и идеализма“.

Далее, если бы на том основании, что современная научная психология находится в согласии с идеологией марксизма, я стал утверждать, что я марксист, то я допустил бы ту ошибку, которая в логике известна, как ошибка „нераспределенного среднего термина“. В самом деле, марксизм есть широкое мировоззрение, которое предполагает определенные философские,

психологические, социологические, экономические, политические и т. п. воззрения. Меня можно было бы назвать „марксистом“ только в том случае, если бы у меня было совпадение во всех этих частях мировоззрения Маркса, а раз совпадение имеет место только в психологических воззрениях, то для обозначения меня марксистом нет никаких оснований“.

Я хотел показать, что современная научная психология, будучи по предпосылкам тождественна с психологией Маркса, ни по содержанию, ни по методу не подлежит никаким изменениям.

Ответ на последнее возражение: „Если Вы утверждаете, что современная научная психология стоит на той же точке зрения, на какой стоит психология Маркса, то Вы должны быть материалистом. Как же это примирить с тем, что Вы прежде всегда критиковали материализм во всех видах?“

На это я могу сказать: „Здесь есть очень серьезное терминологическое недоразумение. Я критиковал только вульгарный материализм, психофизический же параллелизм, на котором базируется марксизм, мы не называли материализмом. Теперь, при перемене терминологии, мы нашу точку зрения психофизического параллелизма, лежащего в основе психологии, должны называть материализмом, ничего, однако, не изменяя в наших взглядах“.

О монизме в учении Фейербаха и Маркса.

Для всех, изучающих философскую систему Маркса, ясно, что она должна быть монистической и отнюдь не дуалистической, потому что в последнем случае нарушался бы строгий детерминизм, который является существенным для учения Маркса; но для очень многих неясно, какой именно монизм требуется марксизмом и какой дуализм отвергается им.

На основании сказанного в предшествующих статьях, заметим, что монизм, который достигается тем, что отвергается реальность психического и признается реальность только материального, совершенно не соответствует учению Маркса. Такой монизм нужно отвергнуть. Отсюда следует, что эмпирический дуализм, допускающий одинаковую реальность психического и физического, следует признать. Для Маркса неприемлем дуализм онтологический, т. е. допущение отдельной духовной субстанции, могущей оказывать воздействие на материальную субстанцию.

Какой же монизм требуется учением Маркса? На этот вопрос нетрудно ответить, если принять во внимание его собственное заявление, что его материализм был гуманистический материализм, заимствованный им, очевидно, у Фейербаха. У Фейербаха же имеются самые отчетливые указания на то, что такое гуманистический материализм, который он называет гуманизмом или антропологизмом. Он избегал термина „материализм", под которым в его время понимали вульгарный материализм.

Фейербах так же отвергал вульгарный материализм, как и спиритуализм. И тот и другой ищут какой-то реальности, выходящей за пределы чувственно данного. Постольку и материализм и спиритуализм суть метафизические учения. Фейербах в своем учении желает оставаться на почве непосредственно данного. Вместо того, чтобы брать какие-то метафизические реальности, он берет чувственно данное и тем самым становится выше противоположности между материализмом и спиритуализ-

мом. Человек есть нечто положительное. Для Фейербаха существует только органическая жизнь, органическое действие, органическое мышление. Человек есть для него организм, потому что не существует никакой деятельности без органов, между тем как последовательный спиритуалист, конечно, должен допускать возможность мысли без какого бы то ни было органа.

Из собственных определений Фейербаха становится совершенно ясным, что он понимает под гуманизмом.

„Истина заключается ни в материализме, ни в идеализме; ни в физиологии, ни в психологии; истина заключается в антропологии; истина есть только точка зрения чувственности и созерцания, ибо только эта точка зрения дает мне цельность и индивидуальность. Мыслит и ощущает не душа, ибо душа есть нечто персонифицированное и гипостазированное, функция или проявление мысли, ощущения и воли, превращенная в сущность; мыслит и ощущает не мозг, потому что мозг есть физиологическая абстракция; это есть орган, оторванный от целого, от черепа, от лица, от тела вообще. Мозг же постольку является органом мысли, поскольку он является связанным с человеческой головой и телом. Внешнее предполагает внутреннее, но только в своем обнаружении осуществляется внешнее. Сущность жизни есть обнаружение жизни. Обнаружение жизни мозга есть мозг. Между мозгом человека и мозгом обезьяны нет заметного различия; но какое различие между черепом или лицом человека и обезьяны“ [1]). Из этого отрывка легко видеть, что гуманизм Фейербаха есть несомненный вид спинозизма.

То же самое мы имеем и в следующем отрывке: „Душа не имеет ни фигуры, ни формы. Однако, душа человека имеет фигуру или форму человека; душа кошки имеет фигуру кошки. Точно таким же образом душа видима, осязаема; видимая душа и есть именно тело. Различие между душой и телом заключается в том, что душа видима и осязаема только для себя, а тело видимо и осязаемо для другого“ [2]).

Несмотря на вышеуказанное отрицательное отношение Фейербаха к материализму, у Маркса и Энгельса все же были основания для отнесения Фейербаха к группе материалистов.

---

[1]) Feuerbach's Sämmtliche Werke. 1846. B. II. Стр. 362

[2]) Kar Grün. Briefwechsel und Nachlass. 1874. II. 308

„Материализм“, говорит Фейербах [1]), „есть совершенно ложно обозначение, влекущее с собой различные ложные представления, и оно допустимо только лишь постольку, поскольку нематериальности мышления и нематериальности души противостоит материальность ощущения“.

„Противоположность между материализмом и спиритуализмом не есть противоположность между материей и духом, телом и душой, но между ощущением и мышлением, ибо ощущение во всяком случае материалистично, телесно, как это утверждали уже древние. Следовательно дело идет о разрешении отношения между ощущением и мышлением“.

Итак, Фейербах был материалист спинозистического типа, Маркс примыкал к его пониманию материализма, который можно назвать монизмом гуманистическим. Однако, в применении к теории исторического материализма, Маркс не ищет философского монизма, а остается исключительно на почве эмпирического дуализма. „Натурфилософский материализм утверждает, что две различных группы представляют в сущности нечто единое. Историческому же материализму вовсе нет никакого дела до утверждаемого тождества физического и психического: он всегда берет только опытную наличность и различное в опыте оставляет различным. Он становится, именно, на дуалистическую точку зрения обычного опыта, так как ему нет дела до философских определений: он говорит в терминах опыта о „сознании“, в противоположность „бытию“; он рассматривает всякую идеологию, как самостоятельное, хотя исторически и зависимое образование, и он хочет лишь из единого принципа об‘яснить развитие различных исторических явлений. Его монизм потому означает лишь признание основной закономерности во всей области истории, разнородные элементы которой признаются различными, тогда как монизм натурфилософского материализма признает различные в опыте группы явлений тождественными“ [2]).

Мне, кажется, что в философии Маркс был монист, при построении же психологии, согласующейся с идеологией марксизма, совершенно нет никаких оснований стремиться к какому бы то ни было философскому монизму, а достаточно оставаться на почве эмпирического дуализма.

---

[1]) Bolin. Ludwig Feuerbach, sein Wirken etc 1891. Стр. 49.

[2]) Исторический материализм. Сборник статей С. Бронштейна 1908, стр. 270

Рефлексология и спинозизм.

Осенью 1924 года появилась книга Ю. В. Франкфурта под названием „Рефлексология и марксизм". Так как вопрос, затронутый автором, касается именно об'ективного метода в психологии, то я не могу пройти молчанием эту книгу и позволяю себе посвятить ей настоящую главу.

В этой книге автор указывает на те изменения, которым должна подвергнуться рефлексология Бехтерева, чтобы вполне удовлетворять требованиям идеологии марксизма. Основное изменение, которое предлагает внести автор, заключается в устранении всех тех элементов, которые имеют какое-либо отношение к суб'ективному методу в психологии. Так как книга предваряется рекомендующим предисловием профессора Корнилова и вступительной статьей профессора Залкинда, то на нее нужно смотреть, как на выражение взглядов московских рефлексологов.

Книга эта представляет для психологии интерес в том отношении, что в ней московские рефлексологи впервые точно обозначили, какой материализм они кладут в основу своих построений. Оказывается, что это есть именно спинозистический фейербаховский материализм.

Это заявление нужно приветствовать, так как оно вносит ясность в позицию московских рефлексологов, которая до сих пор у них отсутствовала.

Для нас, психологов, это признание весьма ценно, так как до сих пор они оценивали методы психологии с точки зрения механического бюхнеровского материализма, между тем как мы, психологи, настаивали на том, чтобы было признано, что в основе марксизма лежит спинозистический материализм. Нужно признать, что в среде московских рефлексологов произошел огромный сдвиг после того, как они согласились признать, что именно спинозистический материализм должен быть положен в основу психологии.

Одна задача решена правильно. Теперь следует приступить к решению второй задачи, именно, определив, в чем заключается сущность спинозизма, сделать из него выводы, которые могли бы служить предпосылками психологии.

Правильно ли решили эту задачу рефлексологи? К сожалению нет. Они все еще никак не могут отрешиться от механического материализма и строят психологию, базируясь именно на нем. Происходит это оттого, что они неправильно понимают сущность спинозизма.

Франкфурт советует Бехтереву совершенно отказаться от суб'ективного метода. Тогда его учение придет в согласие с спинозо-фейербаховским материализмом, который, по мнению Франкфурта, является единственно правильным философским учением, могущим быть положенным в основу изучения душевной жизни.

Но Бехтерев, если пожелает остаться при тех принципах философии, на которых базировался до сих пор, и если он считает последовательность мышления обязательной для себя, как ученого, никоим образом не может воспользоваться советом Франкфурта, ибо из известных принципов можно делать только очень определенные выводы. Из философских основоположений Бехтереву никоим образом нельзя придти к совершенному отрицанию суб'ективного метода.

Для того, чтобы мое утверждение сделалось ясным, я обращу внимание читателя на различие между двумя видами материализма: 1) бюхнеровского и 2) спинозо-фейербаховского. Существенное различие между ними заключается в том, что бюхнеровский материализм признает реальность только материального, отрицает реальность психического, а спинозо-фейербаховский материализм признает [1]) одинаковую реальность как материального, так и психического.

Отношение между Бехтеревым и Франкфуртом в их философских воззрениях можно изобразить следующим образом.

Франкфурт заявляет, что он материалист-спинозист-фейербахианец, но этот материализм формулирует таким образом, что вместо спинозо-фейербаховского материализма у него по-

[1]) Что спинозо-фейербаховское учение тоже называется материализмом, об этом смотри мою книгу „Психология и марксизм", тезисы 5 и 7.

лучается бюхнеровский материализм [1]), и потому он советует Бехтереву переделать свое учение таким образом, чтобы оно соответствовало бюхнеровскому материализму.

Что касается Бехтерева, то он является решительным противником материализма бюхнеровского типа и является сторонником спинозизма. Хотя в различных местах он обнаруживает колебания, иногда делает неправильные выводы, иногда тяготеет к бюхнеровскому материализму, но по существу своего философского мировоззрения он спинозист, психофизический параллелист, психофизический монист. Если он отрицает суб'ективный метод, то только потому, что делает ошибочные выводы из своего учения, а Франкфурт рекомендует ему усугубить свою ошибку и из спинозиста сделаться бюхнерианцем, другими словами, наиболее совершенный вид материализма променять на материализм, всеми отвергнутый.

Из книги Бехтерева „Психика и жизнь“ я процитирую места, которые указывают на его отрицательное отношение к материализму (бюхнеровскому) и сочувственное отношение к спинозизму. „Кому же не ясно“, говорит Бехтерев, „что из материального нельзя вывести психического начала“, как из огромного количества нулей нельзя создать единицы или какой-нибудь определенной величины. Поэтому воззрение материалистов и не могло удержаться далее того периода увлечения, которое оно вызвало на первое время [2]). Психическое резко отличается от физического. Это воззрение (признание психической энергии) имеет ту слабую сторону, что психическое подчиняется чисто механической конструкции, тогда как психическое и физическое представляют собой две несоизмеримые вещи [3]). Сознание не может быть результатом материальных условий [4]).

„Другие авторы“, говорит Бехтерев, „признают, что психические акты есть только сопровождающее явление, и что весь цикл явлений, происходящих в мозгу от начала до конца, завершается в круге материальных процессов, на известном пункте

---

[1]) На стр. 52 он говорит: „если психическое неотделимо от мозговых процессов, если, изучая мозговые процессы, мы изучаем вместе с тем и психические процессы, то существует только один процесс мозговой, не два процесса“.

[2]) Ук. соч., стр. 16.

[3]) *ib.* 35.

[4]) *ib.* 35.

лишь сопутствуемых психическими явлениями. По этому воззрению психическое составляет какой-то ненужный прибавок, или эпифеномен, который для развития явления не только не необходим, но и совершенно излишен. Но лишних вещей в природе как известно, не существует, и потому воззрение это, низводящее душу до степени совершенно ненужной, излишней вещи, противоречит самым основным нашим понятиям об окружающем мире[1]).

„Мы держимся также идеи параллелизма как научного факта, но признаем, что психическое и физическое суть два несоизмеримых между собой явления, не допускающих никаких непосредственных переходов одно в другое. Если же они всегда и везде протекают параллельно друг другу, то этот факт об'ясняется ничуть не тождеством физического и психического, рассматриваемого нами лишь с двух различных точек зрения, как допускают некоторые, а тем, что оба порядка явлений обязаны своим происхождением одной общей, скрытой от нас причине, которую пока условно назовем скрытой энергией. Психические и физические процессы должны иметь одну общую, производящую их причину, которая не только должна представлять собою физическую величину, но и психическое должно содержаться в ней как бы в потенциальном состоянии“ [2]).

„Психика с ее сознанием есть выражение особого напряжения энергии, вследствие чего в вопросе о природе психики совершенно исключаются все механико-материалистические воззрения“ [3]).

Приведенные места ясно показывают, что Бехтерев относится отрицательно к материализму бюхнеровского типа и стоит на точке зрения спинозовского материализма. Из спинозизма, как мы увидим ниже, нельзя сделать тех выводов, которые необходимо вытекают из бюхнеровского материализма.

Московские рефлексологи, признав себя спинозистами, пытаются не признавать наличности психического; они отдают предпочтение материальному бытию перед духовным, между тем, как известно, спинозизм считает их равноправными, что

---

[1]) *ib*. 37 (Курсив мой. Г. Ч)

[2]) 39.

[3]) 203.

делается совершенно ясным, если мы рассмотрим вкратце сущность спинозизма и фейербахианства.

По спинозизму, есть некоторая реальность X, которая может быть нами познаваема двояким способом: при помощи чувственного познания — тогда оно будет материальным, и при помощи внутреннего опыта, — тогда оно будет психическим. Эти два вида познания будут познанием двух совершенно различных явлений. Первый — это будет мир пространственный. Для этого мира действителен закон сохранения энергии. Второй — это мир непространственный. К нему совершенно не применим закон сохранения энергии. Оба эти ряда явлений представляют собой замкнутые круги явлений. Ни психические явления не вмешиваются в материальные, ни материальные явления не вмешиваются в психические. Они совершаются одновременно и протекают параллельно друг с другом, отчего и само учение носит название также параллелизма. Та реальность, которую мы обозначаем X, двухстороння. Она может быть познаваема двояким способом, причем оба ряда явлений одинаково реальны. Хотя мы и утверждаем, что они суть стороны одной и той же реальности, однако, они для нашего познания совершенно различны. Познание психического ряда явлений совершается одним способом, „изнутри", при помощи внутреннего опыта, познание физического ряда совершается совсем иным способом, именно — „извне", внешним опытом.

Из спинозистического принципа, понимаемого таким образом, можно вывести следующие четыре положения, могущие служить предпосылками психологии. Эти положения суть:

a) явления психические так же реальны, как и явления материальные.

b) Явления психические непространственны, в то время как явления материальные пространственны.

c) Явления материальные познаются нами из внешнего опыта, в то время как явления психические познаются из внутреннего опыта.

d) Явления психические находятся в функциональной зависимости от явлений материальных.

Читатель может видеть, что эти положения вытекают из спинозизма необходимо. Если так, то ясно, что Франкфурт, признав себя материалистом типа спинозизм-фейербахианство, неправильно изложил сущность этого учения, а потому у него

получились неправильные выводы. Именно, его стремление отвергать внутренний опыт -- просто ошибка. Для психолога другого непосредственного источника познания душевных явлений, кроме внутреннего опыта, не существует.

На это рефлексологи обыкновенно отвечают следующим образом: „если мы признаем, что, по спинозизму, психическое и материальное явления одно и то же, то, познавая материальное, мы в то же время познаем и психическое". Это рассуждение неверно. Для познания оба ряда явлений совершенно различны. Оба ряда явлений сами по себе могут быть тождественны, но, познавая физическое, мы ни в коем случае не познаем в то же время и психическое, а познаем только то, что сопровождает психическое. Если так, то никак нельзя признавать правильность утверждения рефлексологии, что об'ективным познанием физиологических выражений можно построить психологию. Психологию можно построить только при помощи интроспективного метода, и потому с точки зрения спинозизма никакой об'ективной психологии существовать не может.

Корнилов и Залкинд рекомендуют книгу Франкфурта, который считает себя принадлежащим к материализму спинозовско-фейербахианского типа, но сами они могут ли быть признаны спинозистами? Ни в коем случае. Они спинозизмом не пользуются и остаются на прежней точке зрения бюхнерианского материализма. Корнилов отождествляет психическое с физической энергией. „Психология", говорит он [1]), „есть не больше, как часть физики, ибо то, что мы именуем психическими процессами, с моей точки зрения, есть не больше, как особый вид физической энергии" (141). Корнилов иначе рассуждать не может, раз для него „психические процессы суть, несомненно, явления пространственного порядка" (141). Корнилов убежден, что ему удалось найти физическую меру для психологических процессов. Он убежден, что прямо измеряет психические процессы, между тем как Леман, директор психофизической лаборатории в Копенгагене и ученый, которого Корнилов считает своим учителем, совершенно правильно утверждает: „Психическое явление не может быть прямо измеряемо. То, что может быть измеряемо, и то, что было измерено, это

[1]) Учение о реакциях. 1921.

суть величины раздражений или явления, „сопровождающие психические соостояния“ [1]).

Взгляды Лемана должны быть особенно поучительны для русских рефлексологов, потому что он: 1) спинозист и 2) он сторонник энергетического понимания душевных явлений, подобно Бехтереву и Корнилову. Но какое различие между взглядами датского психолога и русских рефлексологов? Когда Бехтерев говорит о той энергии, которая лежит в основе душевной жизни, то нельзя понять, есть ли это энергия психическая или физическая. Корнилов под энергией, как мы только что видели, понимает просто физическую энергию, хотя иногда эту энергию почему-то называет психической.

Совсем иначе, но чисто спинозистически понимает энергию Леман. „Было бы последовательно,“ говорит он, „исходить от энергии, как понятия конечного, далее не об‘яснимого. Энергия выступает в различных формах, из которых одни возникают весьма часто, другие только при совершенно определенных условиях. В качестве такой формы энергии, которая до сих пор была доказана только для центральной нервной системы, можно рассматривать психическую энергию. Эта форма энергии, которую мы для краткости назовем Р-энергией, имеет как физические, так и психические свойства, и она возникает, как и всякая другая энергия, только через превращение других видов энергии. Если рассматривать „извне“, то в мозгу имеется непрерывающийся физический причинный ряд; если рассматривать „изнутри“, то возникает причинный психический ряд в том случае, когда при превращении энергии возникает Р-энергия“ [2]). Это есть язык спинозиста. Свою точку зрения Леман называет точкой зрения тождества. Но Корнилов точку зрения Лемана отвергает. По его словам, здесь Леман делает прыжок в область умозрительных построений [3]).

А. Б. Залкинд также не стоит на точке зрения спинозизма. Его материализм тоже есть бюхнерианство. В этом читатель может убедиться из следующих слов его вступительной статьи. „В учении о рефлексах, говорит он, содержится чистейшей воды психофизиологический монизм, при котором

---

[1]) См. его Grundzüge d. Psychophysiologie, стр. 7.

[2]) ib. 26

[3]) Учение о реакциях, стр. 131.

психологическая терминология и психологические понятия действительно впервые становятся научно совсем ненужными. В движениях, рефлексах организма нет разделения на психические и соматические процессы; все рефлексы в одинаковой мере являются об'ективными действиями организма в борьбе за жизнь и представляют собой единое „поведение" организма в этой борьбе. Мысль, чувство, движение кишок, сжатие руки в кулак равносущны".

Тот, кто отожествляет мысль с движениями кишок, очевидно, совершенно отрицает реальность психического. Из этого также ясно, что он никак не может признать роли суб'ективного метода в познании душевных явлений, но из какой-то очевидной непоследовательности допускает суб'ективный метод только на периферии.

Таким образом, хотя Корнилов и Залкинд и примкнули к спинозизму, но спинозистами не сделались. То же нужно сказать и о Франкфурте. Если Франкфурт не был в состоянии определить, что вытекает из принципов спинозизма по отношению к методу психологии, то он мог бы все, что нужно, узнать от Фейербаха, который, будучи спинозистом, был сторонником исключительно суб'ективного метода в психологии[1]). Само собою разумеется, что если бы он это знал, то избавил бы себя от труда перерабатывать бехтеревскую рефлексологию на чисто об'ективный лад.

Этот второй шаг уже давно сделан совершенно правильно Н. И. Бухариным в его книге „Об историческом материализме". Там сказано:

1) Сознание так же реально, как и материя.

2) Явления сознания непротяженны, в то время как материальные явления протяженны.

3) Явления сознания познаются из внутреннего опыта.

Корнилову, Залкинду и Франкфурту нужно, воспользовавшись этими принципами, сделать третий шаг и ответить на вопрос: может ли чисто об'ективная рефлексология, в смысле Франкфурта, быть признана научной дисциплиной, отвечающей идеологии марксизма? Если они поставят этот вопрос, то им придется пересмотреть свои взгляды об отношении рефлексологии к психологии.

---

[1]) См. мою книжку „Психология и марксизм".

Место психологии в ряду биологических наук.

(Психология и физиология).

Положение психологии среди университетских наук всегда было неясным; в настоящее же время этот вопрос, в виду возникновения новых течений в психологии, очень обострился. Так называемая „об'ективная психология“ породила мнение, что интроспективная психология должна отойти в прошлое, что ее должно заменить об'ективное, физиологическое изучение душевных явлений. Психология, таким образом, заменяется физиологией, или, хотя она признается наукой биологической, но понятие биологии употребляется в смысле физиологии.

Неясно положение психологии и в университетском преподавании. В американских университетах психология иногда примыкает к биологии, в подавляющем же большинстве случаев она входит в состав философских отделений университетов. германских университетах психология всегда составляла часть кафедры философии. За несколько лет до войны был поднят вопрос о выделении психологии в отдельную кафедру; но после длительных обсуждений университеты Германии, Австрии, Швейцарии оставили психологию попрежнему при кафедре философии.

В настоящей статье я предполагаю показать, что психология есть бесспорно биологическая наука, и хотя она может примыкать к философии, однако, она должна быть признана совершенно самостоятельной наукой,—что она не есть ни философия, ни физиология.

Для того, чтобы убедиться в этом, необходимо рассмотреть, каким образом создалась научная психология в том виде, в каком она существует в настоящее время в мировой науке. Другими словами, следует рассмотреть, как она сдлалась наукой.

Научная психология создалась не в один день. Она боролась за научные методы целые столетия, и то, что она имеет в настоящее время, есть результат длительной борьбы мнений. Те сомнения, которые в настоящее время высказываются против интроспективной психологии, высказывались очень давно, но были преодолены.

Итак, предмет нашего рассмотрения есть вопрос о том, как психология сделалась наукой.

Читатель может подумать, что я намерен говорить о какой-нибудь туманной метафизической или теологической психологии. Я спешу его предупредить, что предполагаю говорить только о так называемой эмпирической психологии, которая характеризуется тем, что изучает душевные „явления", в отличие от психологии рациональной, имеющей целью изучение свойств и природы души, как трансцендентной сущности. Это разделение психологии на два различных вида произошло очень давно. В 1730 году немецкий философ Тюминг провел разделение психологии на psychologia empirica и psychologia rationalis. Это разделение принял Хр. Вольф и с тех пор психологи все вопросы, связанные с признанием трансцендентной духовной субстанции, бессмертия души и т. п., относят в область психологии рациональной или философской; на долю же эмпирической психологии остается изучение только душевных явлений или душевных переживаний, данных в опыте. Эмпирическая психология не считает возможным выходить за пределы данного в опыте. Она является наукой позитивной. Из этого можно видеть, до какой степени был неправ тот врач, который на первом психоневрологическом с'езде в Москве поставил в упрек современной психологии, что она является „служанкой богословия". По отношению к психологии это так же справедливо, как справедливо по отношению к ботанике или химии.

Основное возражение против интроспективной психологии заключается в том, что она изучает свойства какой-то души, отдельной от тела, или говорит о каких-то душевных явлениях, совершенно не зависящих от тела. Между тем, по общераспространенному мнению, психология могла бы сделаться наукой, если бы она рассматривала душевные явления в зависимости от телесных явлений, другими словами, если бы она сделалась наукой физиологической. По мнению очень многих, ошибка современной психологии заключается в том, что она

совершенно игнорирует физиологию и что наука только в недавнее время вышла на правильный путь, начав изучать душевные явления физиологически.

Те, которые рассуждают таким образом, не подозревают того, что психология всегда была физиологической, начиная с древнейших времен. Всегда врачи и философы рассматривали душевные явления в связи с телесными процессами.

Врач Алкмеон, живший в VI веке до Р. Х., учил, что мозг является местопребыванием душевных процессов. Опираясь на вскрытия животных, он открыл главные нервы органов чувств, их пути и окончание в мозговом центре [1]). По Аристотелю, душевные явления, по самому существу своему, не могут совершаться без сопровождающих телесных процессов. Явления памяти, сновидений, фантазии он об'яснял при помощи допущения движений, совершающихся в сенсориуме. Образы памяти он об'яснял тем, что в сенсориуме остаются следы, подобные тем, которые остаются от печати, когда ею надавливают на воск. Слово „впечатление", которое мы так часто употребляем в психологии, идет к нам, как наследство от Аристотеля [2]).

Герофил около 300 лет до Р. Х. открыл периферические нервы и проводил различие между чувствительными и движущими нервами и проследил их ход до самого мозга. Местопребывание души он отнес к полости мозга, и именно к так называемому четвертому желудочку, полости, которая находится под мозжечком.

Эразистрат, современник Герофила, находил, что высшая умственная деятельность человека зависит от большего или меньшего развития поверхности мозга, от так называемых извилин или борозд мозга [3]).

Гален (130—201 по Р. Х.) соединил стоическое учение о душе с известными в его время анатомическими и физиологическими фактами. Он сам ставил эксперименты над животными и в качестве врача гладиаторской школы имел часто случаи наблюдать влияние повреждения мозга. Он разделял

---

[1]) Об Алкмеоне см. Гомперц. Греческие мыслители. 1911, т. 1-й стр. 128.

[2]) См. его De anima, а также Parva naturalia. См. Ziehen. Ueber die allgemeine Beziehungen zwischen Gehirn und Seelenleben, 1912, стр. 9.

[3]) ib.

душевные деятельности на ощущения, на действие, на воображение, мышление, память, но не предложил никакой более или менее точной локализации [1]).

У врача Посидония в IV веке мы находим учение о мозговой локализации. Он помещал силу воображения в передние части мозга, разум в средний желудочек мозга, а память в задний [2]).

Сочинение „О природе человека“ Немезия, одного из отцов церкви (живщего в V веке), „может быть рассматриваемо как рудиментарный опыт физиологической психологии“, говорит Циэн [3]). Он помещал „ощущения“ в передние желудочки, рассудок — в средний, а память в задний.

Авиценна, арабский ученый (умер в 1037 г.), помещал „общее чувство“, „воображение“ в лобной части мозга, „суждение“, „память“ — в задней части мозга и воображение — в средней части мозга [4]).

Учение о мозговой локализации было очень популярным в средневековой философии. Так, например, Альберт Великий, известный схоластик (умер в 1280 г.), воспроизводит учение Посидония. От XV и XVI века сохранились рисунки мозговой локализации [5]), свидетельствующие о том, что интерес к этому вопросу был широко распространен.

В шестнадцатом веке и в начале семнадцатого психологи очень усердно занимались изучением физиологии, что можно видеть из следующего перечня сочинений по психологии того времени. Психолог Касман был одинаково знатоком философии и медицины; он определял психологию, как часть антропологии, и излагал психологию на чисто физиологической почве. Его сочинения, напр., Psychologiae antropologicae sive animae humanae doctrina, 1594.

---

[1]) ib. 10 и Döllken. Die grossen Probleme in der Geschichte d. Hirnlehre 1911. стр. 91

[2]) Ziehen, ук. соч. стр. 64.

[3]) Ук. соч. стр. 64, а также Döllken, ук. соч.

[4]) Baldwin. History of Psychology. Vol. 1, стр. 91. О нем Ueberweg говорит: „в психологии Авиценна принял решительное направление в сторону эмпиризма, так как он строго отделял медицинскую психологию от философской“. (Geschichte d. Philosophie. Zweiter Theil. 1905 стр. 249).

[5]) См. Sudhof. Studien zur Geschichte der Medicin Heft 1. Tradition und Naturbeobachtung. 1907. Стр. 59 – 62.

Фабиан Гиппиус писал физическую психологию, Psychologia physica. 1600. Его психология содержит физиологию и изложение строения человеческого тела. В 1612 году вышло сочинение Gregor'a Horsti: „De natura humana libri duo, quorum prior de corporis structura, posterior de anima tractat“ (о человеческой природе — две книги, из коих первая трактует о человеческом теле, а вторая — о душе[1]).

К началу нового времени вполне еще сохранился обычай древних и средневековых ученых трактовать о природе человека с двоякой точки зрения, физиологической и психологической. Особенно сильно для психологических целей использовал физиологию Декарт. При помощи физиологии он надеялся дать об'яснения психических способностей. „Анатомирую теперь“, пишет он в 1633 году Мерсенну, „головы разных животных, чтобы об'яснить себе, в чем состоит воображение, память и проч.“, Декарту уже были хорошо известны рефлексы, которые он и пытался использовать для об'яснения действий живых существ. Для об'яснения рефлексов он признает нервные токи, которые он называет „животными духами“. Процесс рефлекса он об'ясняет следующим образом. Нервный ток (животные духи) идет от места раздражения органа чувств до мозга; здесь в известном месте он расширяет поры нервов; вследствие этого животные духи от мозга устремляются до органов тела и заставляют производить определенные движения. Вот подлинные слова Декарта: „Чтобы понять“, говорит Декарт (Oeuvr. IV, 358), „как наша машина может быть возбуждена внешним предметом, действующим на ее органы чувств, к произведению разнообразных движений ее членов, представим себе, что тонкие нити, идущие от внутренности мозга и составляющие сердцевину нервов, так расположены в тех частях органа того или другого чувства, что легко могут бытъ приводимы в движение предметом, действующим на эти чувства. Как скоро нити приведены в движение с некоторой силой, они тянут части мозга, откуда выходят, и через это открываются входы пор, расположенных на внутренней поверхности мозга. Через поры эти тонкий животный дух, находящийся в полости мозга, втекает в нервы, соответствующие мускулам, служащим к произведению

[1]) О других сочинениях в этом роде см. Carus — Geschichte d. Psychoogie. 1808.

в машине движений, совершенно подобно тем, к каким мы естественно побуждаемся, когда наши чувства поражены таким же образом. Так, например, если огонь А находится вблизи ноги В, малые части этого огня, движущиеся, как известно, с чрезвычайной быстротой, имеют достаточно силы, чтобы привести в движение то место ноги, какого они касаются. Таким образом, они будут тянуть тонкую нервную нить, тут прикрепленную, и откроют в то же мгновение вход поры bc, где кончается нить, совершенно подобно тому, как веревка, которую тянут за один конец, заставляет звонить колокол, привязанный к другому концу. Как скоро отверстие пор открылось, животный дух полости F входит внутрь нерва и проносится отчасти в мускулы, что служит к поворачиванию глаз и головы так, чтобы видеть пламя, отчасти к тем, что служат, чтобы подвинуть руки и согнуть тело для помощи"[1])...

Из этого описания рефлективных движений по Декарту видно, что они совершаются без участия сознания и что они имеют механический характер. Если рефлексы совершаются механически, то отчего же не допустить, что движения более сложные не являются результатом какого-нибудь усовершенствованного механизма? Декарт и его последователи предполагали, что животные не больше, как машины. „Они едят без удовольствия, кричат без боли; они не имеют никаких желаний, не имеют никаких знаний. Последователи Декарта были настолько последовательны в применении этой гипотезы на практике, что обращались с животными крайне небрежно, если не жестоко", говорит Гексли[2]).

Нужно было перенести то, что Декарт думал о животных, на человека. Это сделал Ламеттри, который признал тело человека машиной. „Тело", говорит Ламеттри, „есть только часы, а свежий chylus есть часовщик". „Подойдем поближе к рассмотрению этих пружин человеческой машины: все жизненные, животные, естественные и автоматические движения совершаются, благодаря действию этих последних. Не удаляется ли тело машинообразно прочь, когда оно при виде неожиданной пропасти бывает одержимо испугом? Не закрываем ли мы

[1]) Цитирую по Любимову. Философия Декарта. 1886 г., стр. 322.

[2]) Гексли. Учение Декарта „об автоматизме животных" Журнал „Знание" 1875 г. Учение Декарта о рефлексах, см. у Любимова. Философия Декарта 1886, стр. 320—337.

веки при угрозе какого-либо удара? Не суживается ли зрачок при дневном свете для того, чтобы не повредить сетчатки, и не расширяется ли он, чтобы в темноте видеть предметы? Не закрываются ли поры кожи машинообразно зимой, чтобы мороз не проник во внутренности сосудов“ [1]).

Ламеттри приводит и другие примеры рефлексов, чтобы показать, что тело функционирует машинообразно без вмешательства какого-либо сознания.

Как легко видеть, у Ламеттри уже была настоящая рефлексология, о построении которой мечтают многие читатели в настоящее время.

С времен Декарта и Ламеттри та идея, что в основу психофизической деятельности должен быть положен рефлекс, не сходила со сцены [2]). К 50-му году прошлого столетия Лейкок и Карпентер высказали мнение, что рефлекс есть тип всякой нервной деятельности и, вследствие этого, всякой душевной деятельности. Герберт Спенсер в 50-х годах в своих „Основаниях психологии“ очень остроумно все высшие процессы выводил из рефлексов. Эту же идею проводил в России в 60-х годах Сеченов в своих „Рефлексах головного мозга“.

Чтобы завершить обзор истории физиологической психологии, я должен упомянуть о судьбе френологии или учения о мозговой локализации. В конце 18-го и начале 19-го века, как известно, большим вниманием пользовалась френология Галля, которая послужила толчком для дальнейшего изучения мозговой локализации. Судьба Галлевской френологии очень интересна. Комиссия, созванная Наполеоном, отвергла ее, потому что она была признана материалистической, между тем как мы видели, что спиритуализм отцов церкви не мешал им заниматься изучением мозговой локализации, без боязни упрека в материализме. Очевидно, что вопрос об отношении между телесными и материальными явлениями был очень неясен.

В 60-х и 70-х годах прошлого столетия Фехнер в „Психофизике“ и Вундт в своей „Физиологической психологии“ внесли в эту проблему полную определенность. Они стали на

---

[1]) См. Ламеттри L'homme machine цит. по немецк. пер. Ritter'a—Der Mensch eine Maschine. 1875, стр. 62.

[2]) Историю учения о рефлексах см. в статье Langendorf'a B. IV т. Handbuch d. Physiologie des Menschen. Erste Häfte. 1905, стр. 221, а также E. Du Bois Reymond Reden. Zweite Folge. 1887 стр. 317—320.

точку зрения психофизического параллелизма. Эта точка зрения и ныне полагается в основу научной психологии во всей мировой науке.

Итак, вопрос об отношении между телесными и душевными явлениями был решен удовлетворительно; границы между научным и метафизическим сделались более отчетливыми. В конце 19-го века об'яснение вопроса о методе психологии было доведено до полной научной определенности. Психология приобрела тот облик, который она имеет в настоящее время.

Рассмотрим вкратце историю этого вопроса.

Чрезвычайно интересным моментом в истории развития научной психологии является эпоха Великой французской революции. Из очень многих имен этой эпохи я упомяну только Дэстют де-Траси и Кабаниса.

Дэстют де-Траси исходил из предположения, что термин „психология" внушает ложную мысль, что должна быть изучаема какая-то сущность, душа, которая бесспорно имеет метафизический характер. Чтобы избежать этого, он вместо термина „психология" предложил внести термин „идеология", цель которой заключается в изучении „идей" в широком смысле слова. Термины „идеология", „идеолог" вместо „психология", „психолог" во французской науке употреблялись до 60-х годов прошлого столетия.

Кабанис, находившийся под влиянием учений Галена, пытался соединить медицину с философией. Он вместе с другими идеологами пытался сделать психологию физиологической. В эту же эпоху утвердилось убеждение, что для психологии необходимо изучение душевной жизни ребенка, животных, душевнобольных, дефективных (слепых, глухонемых). Эти взгляды на приемы изучения скоро водворились и упрочились во Франции, так что Рибо и Тэн являются продолжателями традиций, созданных идеологами французской революции. Английские психологи Милль, Бэн, Спенсер находились также под бесспорным влиянием взглядов идеологов французской революции [1]).

В эволюции понятия „методы" психологии чрезвычайно важное значение имели взгляды на психологию основателя фран-

---

[1]) Об идеологах эпохи французской революции см. интересное сочинение Picavet, Les idéologues 1891 а также Ferraz, Histoire de la philosophie pendant la revolution.

цузского позитивизма Огюста Конта. В своей классификации наук он не дал места психологии. По его мнению, психологии, как науки, быть не может. Ее место должна занять физиология, как представляющая динамическую сторону биологии. Психология должна быть устранена, так как она пользуется интроспективным методом, представляющим, по мнению О. Конта, метафизический характер. При помощи внутреннего опыта (observation interieure) нельзя познать душевных явлений, ни интеллектуальных, ни эмоциональных. Нельзя наблюдать, напр., гнев, пока мы находимся в состоянии гнева; а когда гнев проходит, то нечего наблюдать. Точно так же нельзя воспринимать и интеллектуальные явления. Для этого воспринимающий орган должен разделиться на двое, что невозможно. Интроспективный метод нельзя применить к изучению душевной жизни детей, животных, душевно больных. Поэтому психологический метод надо отвергнуть и вместо него нужно воспользоваться об'ективным методом изучения мозга, как аппарата мысли, по примеру френологии Галля. По мнению О. Конта нужно изучать различные органические состояния, от которых зависят психические процессы, что и составляет главный предмет физической френологии [1]).

Пусть читатель прочтет следующее место из сочинений О. Конта для того, чтобы убедиться в том, что те возражения, которые в настоящее время приводит В. М. Бехтерев против суб'ективного метода психологии, были чуть не буквально в тех же выражениях уже почти сто лет тому назад высказаны О. Контом. Вот что говорит О. Конт: „Что касается их пустого основного принципа внутреннего наблюдения (observation interieure), рассматриваемого само по себе, то было бы, конечно, совершенно излишне прибавлять здесь что-либо к тому, что я уже достаточно указал в начале этого трактата, чтобы сделать ясной совершенную абсурдность предположения, так очевидно противоречивого, человека, который наблюдает свое собственное мышление. В сочинении, которое несколько лет назад оказало удачное противодействие печальному физиологическому безумию, которое один знаменитый софист внушил французской молодежи, Бруссе очень справедливо заметил по этому поводу, что подоб-

[1]) Auguste Comte, Cours de philosophie positive. 1830. Том I, стр. 19-21, и том III, 45-я лекция.

ный метод, если бы предположить, что он возможен, должен был бы до крайности суживать изучение душевной деятельности, ограничивая его по необходимости только человеком взрослым и здоровым, без какой-либо надежды разработать когда-либо такое трудное учение посредством сравнения различных возрастов или посредством рассмотрения различных патологических состояний: между тем всеми признано, что и другое изучение является необходимым вспомогательным средством для самых основных исследований человека. Продолжая то же самое рассуждение, мы должны особенно поражаться абсолютным лишением возможности заниматься изучением умственной и вообще душевной деятельности животных, относительно которых психологи, несомненно, не ждут никакого внутреннего наблюдения" [1]).

Таким образом, психология упраздняется и заменяется физиологией мозга. Конт в 30-х годах прошлого столетия предлагал сделать то, что в настоящее время предлагают сделать психологи-об'ективисты.

Но как было принято современниками предложение Огюста Конта?

В одно время с Огюстом Контом в Германии действовал другой чрезвычайно влиятельный основатель позитивизма, а именно — Фейербах. По странной иронии судьбы этот современник Огюста Конта, материалист и безбожник, считал суб'ективный метод психологии единственно научным, при чем предупредительно отмечал, что суб'ективный метод не имеет никакого отношения к теологическим предрассудкам [2]). И английские последователи Огюста Конта, среди которых были Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Льюис (оба последние—биологи), настаивали на необходимости интроспективного метода психологии. Но так как они в то же время требовали изучения душевной жизни ребенка, животных, душевнобольных и т. п., каковое изучение можно назвать об'ективным изучением, то понятие суб'ективного метода в психологии получило очень расширенное об'яснение. Под суб'ективным методом стали понимать не только наблюдения самого себя, но и наблюдения над чужой душевной жизнью, при чем

---

[1]) ib Т. 3-й стр. 407—408 (Курсив мой).

[2]) См. мою „Психология и марксизм". Полож. 19.

содержание этого наблюдения становится понятным благодаря внутреннему опыту. В современной психологии, когда говорят о самонаблюдении в психологии, имеют в виду как раз именно это расширенное понятие самонаблюдения. Из этого можно видеть, до какой степени не правы психологи-об‘ективисты, которые утверждают, что психолог-интроспективист—это такой психолог, который, сидя у письменного стола и наблюдая свои собственные переживания, выводит из них законы душевной жизни. К точному расширенному определению интроспективного метода нужно было придать еще одну черту, чтобы психология приняла тот вид, какой она имеет в современной науке, именно, нужно сказать, что она сделалась биологической под влиянием учений Дарвина и Спенсера.

Рассмотрим, какие биологические понятия вошли в состав психологии и произвели существенное изменение в основных психологических построениях. Прежде всего, благодаря биологической теории эволюции, возникла генетическая психология.

Далее установился взгляд, что при рассмотрении душевной жизни следует исходить от живущего целого, от организма, и именно психофизического организма, так как живое существо не может быть определено всецело ни в терминах тела, ни в терминах сознания. Оно есть существо, состоящее из тела и душевных явлений.

Психофизический организм приспособляется к окружающей среде. Характерным для него является спонтанность, т. е. способность определяться изнутри. Душевные процессы имеют значение для приспособления к окружающей среде.

Таким образом, психология изучает жизнь психофизического организма в его процессе приспособления к окружающей среде, поскольку и сознание принимает участие в этом процессе.

Жизненные процессы рассматриваются с четырех различных точек зрения (с морфологической, физиологической, праксиологической и психологической). Поэтому, если какая-либо биологическая дисциплина изучает ту или другую сторону жизненного процесса, то она рассматривает ее в отвлечении от других сторон. Таким образом получаются отдельные биологические дисциплины: физиология, психология и т. п. В этом смысле психология, как наука об известной стороне жизни, есть такая же биологическая наука, как и физиология,

которая рассматривает ту же жизнь, но только с другой стороны. Возможно существование еще особой науки о действии живых организмов — праксиологии, которая не есть ни психология, ни физиология. Она совершенно отвлекается от рассмотрения явлений сознания и физиологических процессов в собственном смысле слова. Если таким образом признать, что каждая биологическая дисциплина рассматривает свой предмет в отвлечении, то нужно было бы говорить о дисциплинах в чистом виде. Нужно было бы говорить о чистой физиологии и чистой психологии. На самом же деле в большинстве случаев предметы одних дисциплин рассматриваются в соединении с предметами других дисциплин. Тогда этот смешанный характер должен быть отмечен терминологически. Так, физиологию нужно называть психофизиологией, когда, напр., речь идет о локализации умственных процессов. Равным образом и психологию в том случае, когда она изучает психические процессы в связи с мозговой локализацией, следует называть психофизиологией.

Что касается чистой психологии, то она есть совершенно определенный аспект жизни — это именно явления сознания и их закономерность. Она должна рассматривать явления сознания, совершенно абстрагируясь от деятельности нервной системы, с которой они нераздельно связаны.

На бихэвиоризм или праксиологию также следует смотреть как на известный биологический аспект. Он изучает действия, абстрагируясь от сознания. Это не значит, что он отрицает сознание — он только отвлекается от него.

Таким образом, ясно, что психология есть такая же биологическая дисциплина, как физиология, анатомия и т. п. На это обыкновенно возражают указанием, что явления сознания не могут служить предметом чувственного восприятия: их нельзя видеть, нельзя осязать, они не могут быть измеряемы. Поэтому они, как говорит Павлов, не могут быть предметом естественно-научного рассматривания. С этим согласиться никак нельзя. Раз сознание есть биологический факт, раз оно принимает участие в жизненном процессе, оно должно быть предметом изучения. Каков будет характер этого изучения, это вопрос иного порядка. Во всяком случае нужно отметить, что источник познания явлений сознания иной по сравнению с источником сознания физических явлений.

С указанных выше точек зрения учение о рефлексах есть учение физиологическое, поскольку оно рассматривается с физической или химической точки зрения и есть учение биологическое, поскольку оно рассматривается, как реакция организма на окружающую среду.

Из сказанного о биологической точке зрения становится совершенно ясным, что аспекты рассмотренных процессов различны. Вследствие этого и самые научные дисциплины по своему предмету различны.

Поэтому никак нельзя было бы сказать, что физиологические явления — это то же, что психические, и что, изучая физиологические явления, мы, собственно, изучаем в то же время и явления психические.

Неразличение этих точек зрения приводит в последнее время к смешению физиологии и психологии. Общераспространенное мнение, что учение Павлова об условных рефлексах есть психология, происходит именно от такого смешения.

Павлов, по его собственным словам, изучает чистую физиологию мозга, т. е. физические и химические процессы, совершающиеся в нервной системе. Для этого он абстрагируется от сознания. Такой прием можно считать вполне целесообразным. Но потом Павлов забывает, что произвел абстракцию и начинает рассуждать, как если бы не производил никакой абстракции. Так, например, он отожествляет инстинкты с рефлексами. В этом отожествлении содержится двусмысленность. Можно согласиться, что с точки зрения физиологической оба эти процесса тождественны, но с точки зрения цельного жизненного процесса их отожествить никак нельзя. Инстинкты отличаются от механических рефлексов наличностью сознания. Если высшие процессы нельзя отожествлять с механическими рефлексами, потому что у них имеется в наличности сознание, то ясно, что сводить душевные процессы к механическим процессам нельзя. А это значит, другими словами, что идея рефлексологии иллюзорна.

Вопрос о самостоятельности психологии может быть рассмотрен в связи с вопросом, кому следует разрабатывать психологию.

В 30-х годах прошлого столетия знаменитый немецкий физиолог И. Мюллер заявил: Nemo psychologus nisi physiologus (только физиолог может быть психологом). В 60-х годах

у нас в России Сеченов на вопрос, кому разрабатывать психологию, ответил: „физиологу". Отсюда сложилось убеждение, что психология есть собственно физиология. Но это не верно. Вопрос о том, что есть психология, отнюдь не следует смешивать с вопросом о том, кому разрабатывать психологию. Психологию может разрабатывать физиолог, философ, психиатр, историк; но психология от этого не становится физиологией, философией, психиатрией или историей.

Но кому, на самом деле, разрабатывать психологию?

При состоянии психологии еще 40—50 лет тому назад постановка вопроса Мюллера и Сеченова могла иметь некоторое основание. В те времена психологический эксперимент был доступен только физиологам. В те времена физиологи-то и созидали технику психологического эксперимента. Но с тех пор эта техника приняла настолько специальный характер, что в настоящее время сам физиолог с ней не справится, если не получит специального психологического образования. Вот почему уже нельзя без оговорок соглашаться с тем, что психологию может разрабатывать только физиолог. Опыт показал, что предложение Мюллера и Сеченова нуждается в бесспорных ограничениях. Если взять опыт германских университетов, то можно думать, что очень целесообразным является смешанное естественно-историческое и гуманитарное образование. Я настаиваю на том, что первоначальное образование психолога должно быть смешанным, вопреки принятому мнению, что одного естественно-научного или медицинского образования вполне достаточно, чтобы сделаться психологом. Психолог делается психологом не потому, что получил естественно-научное или медицинское образование, а потому, что изучил содержание традиционной психологии со смежными науками, каковыми являются логика, гносеология и вообще философские науки. Естествознание или медицина имеют для психолога только вспомогательное значение [1]).

1) Если рассмотреть, какое первоначальное образование получили современные выдающиеся психологи, то на долю медиков приходится, сравнительно, немного (Вундт, Джемс, Бинэ, Штерринг, Мюнстерберг, Н. Ах). С первоначальным философским образованием и дополнительным медицинским, или естественно-научным являются психологи: Рибо, Штумпф, Липпс, Кюльпе, Марциус, Эббинггаус, Марбе, Крюгер, Мюллер, Г. Э. Чтобы не подумали, что

Но почему нужно соединение физиологического образования с чисто психологическим? Почему физиологические данные необходимы для психологических исследований? Потому что в жизненном процессе психические явления протекают вместе с физическими. Изучение физиологического процесса часто является важным для понимания психических процессов; а также, благодаря изменению физиологических процессов, можно произвести соответствующий психологический эксперимент.

Но есть психические процессы, в которых связь с физиологическими процессами не усматривается и не может быть усмотрена. В этом случае психический ряд становится независимым и изучается без привлечения к изучению физиологических процессов. Я бы для иллюстрации привел экспериментальные исследования памяти Г. Мюллера. При помощи обыкновенного кимографа он в продолжении 15 лет производил измерения памяти, при чем применил изумительные по технике приемы психологического исследования. Сюда можно отвести также исследования Штумпфа, Липпса и Крюгера по психологической акустике.

Психология в последнее время в своих методах настолько дифференцировалась, что технические приемы становятся специфически психологическими, неизвестными физиологам.

Специализирование психологических исследований, благодаря разделению труда, дошло до того, что психологические эксперименты в руках физиологов приводят к явственно неудовлетворительным результатам. Для примера приведу психологические исследования сочетательных рефлексов. Если бы эксперименты над ними были произведены с приемами, принятыми в психологических лабораториях, то результаты были бы бесспорно более совершенными, чем это мы имеем в настоящее время. Это убедительно доказали американские психологи, которые в последнее время изучали условные рефлексы.

Если обратить внимание на это обстоятельство, то сделается понятным, почему медик-психолог Вундт одобрял медика-психолога Мюнстерберга за то, что он организовал свою психологическую лабораторию в Гарвардском Университете при ка-

---

может быть, психологические исследования философов-психологов имеют мало цены в глазах физиологов, я обращу внимание на то, что в Handbuch d. Physiologie Нагеля (3-й том) использованы работы психологов. Ясно, что заслуги психологов признаются и физиологами.

федре философии. Вот его слова: „Я в особенности рад тому, что вы вашу новую психологическую лабораторию примкнули к философии, а не перекочевали к естественникам. Там и сям замечается тенденция к такому переходу; я же думаю, что психология не только теперь, но и навсегда принадлежит философии; только тогда психология сохранит свою независимость[1])".

Процесс дифференциации идет настолько быстро вперед, и психологические методы приобретают настолько специфический характер, что в скором времени некоторые виды психологии можно будет разрабатывать без какой бы то ни было естественно-научной подготовки. К таким видам психологии относится так называемая аналитическая психология, в которой содержатся определения и классификации психических явлений, без которых невозможно никакое построение системы психологии.

Итак, и с этой стороны становится очевидной независимость психологии. Резюмируя вопрос о том, кому разрабатывать психологию, я бы сказал: „Нельзя не согласиться, что знание физиологии и естественных наук в известном об'еме необходимо для разработки психологии, но я решительно оспариваю ту мысль, что медик или натуралист тем самым, что он медик или натуралист, уже есть психолог".

Ответим на последний вопрос. Есть ли психология наука философская? На этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно без того, чтобы не вызвать недоразумений. Но самый вопрос можно поставить иначе. Необходимо ли психологу изучение философии? По моему мнению, безусловно необходимо. Это и имели в виду немецкие ученые, когда настаивали на необходимости для психологии примыкать к кафедре философии, на каком бы факультете кафедра философии ни была.

Психология базируется на каких-нибудь философских предпосылках; таковыми могут быть, например, психофизический параллелизм, различные типы материализма и т. п. Одна психология получится в таком случае, если обосновать ее на психофизическом параллелизме, и совсем иная, когда она обосновывается на механическом материализме. Чтобы психолог умел отличать эти две диаметрально противоположные точки зрения, нужно быть философски образованным.

Для того, чтобы разобраться, прав или неправ американский бихэвиоризм, нужно быть философски образованным.

---

[1]) Harvard, Psychological Studies. Vol. II, 1906, стр. 32–33.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) Введение в экспериментальную психологию.
3-е изд. (Госуд. Изд.) 1924 . . . 3 р.

2) Психология и марксизм.
2-е изд. 1925 (Русский Книжник) 40 к.

3) Об'ективная психология в России и в Америке.
(Моск. Акц. Изд. Общ.) . . . 90 к.

4) Очерки психологии. (Печатается)
(Моск. Акц. Изд. Общ.)

5) Спинозизм и материализм.
(Готовится к печати)